П. А. Кропоткинъ.

Современная наука и анархизмъ.

Съ біографическимъ очеркомъ и библіографическимъ указателемъ произведеній Кропоткина.

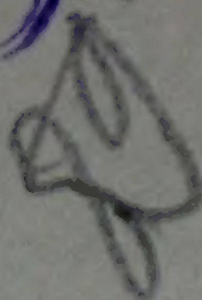
МОСКВА—1906.
Книгоиздательство И. Д. ИВАНОВА.

П. А. Кропоткинъ.

Современная наука и анархизмъ.

Съ біографическимъ очеркомъ и библіографическимъ указателемъ произведеній Кропоткина.

Москва—1906.
Книгоиздательство И. Д. Иванова.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и Кº. Пименовская ул., соб. д.

Москва — 1906.

Интересъ къ анархизму за послѣднее время особенно сталъ замѣтенъ, и литература о немъ, появляющаяся чуть ли не каждый день, указываетъ на то, что его пытаются удовлетворить.

Въ настоящее время самымъ яркимъ, самымъ сильнымъ представителемъ коммунистическаго анархизма (безгосударственнаго соціализма) является нашъ соотечественникъ, москвичъ по рожденію, Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ, одно изъ произведеній котораго, «Современная наука и анархизмъ», предлагается русскому читателю въ настоящей брошюрѣ.

Развитіе анархическаго ученія за послѣднія тридцать лѣтъ неразрывно связано съ именемъ Кропоткина и связано не только въ его теоретической эволюціи, но и въ практическомъ его осуществленіи въ жизнь. Познакомиться съ жизнью Кропоткина—это значитъ познакомиться съ ходомъ развитія соціалистической мысли, направленной къ рѣшенію самаго благороднаго, самаго жгучаго вопроса о человѣческомъ счастьѣ. Благодарнымъ и блестящимъ документомъ въ этомъ отношеніи являются «Записки революціонера», Кропоткина; изданныя за границей на русскомъ языкѣ, мало доступныя русскому читателю по своему происхожденію, но выпускаемыя въ скоромъ времени фирмой «Знаніе», онѣ дадутъ возможность и большой публикѣ познакомиться съ этой замѣчательной книгой.

Ожидая скораго появленія на свѣтъ божій «Записокъ», мы дадимъ только общія біографическія данныя, пользуясь для этого, кромѣ вышеупомянутой книги, воспоминаніями товарища Петра Алексѣевича, Кравчинскаго (Степняка), изъ «Подпольной Россіи».

Библіографія, приведенная въ концѣ, составлена по книгѣ «Bibliographie de l'anarchie» par M. Nettlau. Paris, 1897. 294 pag. Bibliothèque des «Temps Nouveaux».

«Кропоткинъ—одинъ изъ старѣйшихъ эмигрантовъ, такъ какъ онъ покинулъ Россію въ 1876 г. и больше туда не возвращался.

«Но его участіе въ первыхъ пропагандистскихъ кружкахъ оставило сильный слѣдъ въ ихъ программахъ, и его личность всегда была одной изъ наиболѣе яркихъ и выдающихся въ нашей партіи. Онъ принадлежалъ къ высшей русской аристократіи: фамилія князей Кропоткиныхъ—одна изъ немногихъ, происходящихъ по прямой линіи отъ Рюриковичей, и потому въ кружкѣ Чайковцевъ, котораго Кропоткинъ былъ членомъ, ему говаривали, бывало, шутя, что онъ имѣетъ больше правъ на россійскій престолъ, чѣмъ нынѣшніе Романовы, которые, въ сущности, чистокровные нѣмцы.

«Воспитаніе свое Кропоткинъ получилъ въ пажескомъ корпусѣ, куда принимаются дѣти только придворной аристократіи. Въ 1861 г. онъ съ отличіемъ окончилъ курсъ, но, движимый любовью къ наукѣ, не остался при дворѣ, а отправился въ Сибирь, съ цѣлью геологическихъ изслѣдованій.

«Тамъ онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ, принимая участіе въ разныхъ научныхъ экспедиціяхъ, гдѣ и прі-

обрѣлъ тотъ обширный запасъ свѣдѣній, которыми воспользовался при своихъ работахъ въ сотрудничествѣ съ Элизе Реклю. Побывалъ онъ также въ Китаѣ. По возвращеніи въ Петербургъ онъ былъ избранъ членомъ, а потомъ--секретаремъ Географическаго общества, написалъ нѣсколько сочиненій, высоко оцѣненныхъ людьми науки, и, наконецъ, началъ большую работу о финляндскихъ ледникахъ, которую, по ходатайству Географическаго общества, ему позволено было окончить въ крѣпости. Не имѣя возможности совершенно избѣгнуть службы при дворѣ, онъ былъ зачисленъ камеръ-пажемъ императрицы и получилъ нѣсколько орденовъ.

«Въ 1871 г. или въ началѣ 1872 г. Кропоткинъ отправился за границу. Онъ посѣтилъ Бельгію и Швейцарію, гдѣ «Интернаціоналъ» достигъ въ то время высшей степени своего могущества.

«Тутъ его міровоззрѣніе, бывшее всегда очень радикальнымъ, получило окончательную формулировку. Онъ примкнулъ къ «Интернаціоналу», принявши идеи его крайней, такъ называемой анархической, фракціи, горячимъ защитникомъ которыхъ онъ остался навсегда.

«По возвращеніи на родину Кропоткинъ вошелъ въ сношенія съ кружкомъ Чайковцевъ, проникнутыхъ тѣми же идеями, и въ 1872 г. былъ предложенъ и принять единодушно въ его члены.

«Ему было поручено выработать программу партіи и планъ организаціи. Документы эти найдены были впослѣдствіи между его бумагами. Зимой 1872 г. онъ началъ читать—разумѣется, тайнымъ образомъ—лекціи по исторіи «Интернаціонала», бывшія просто развитіемъ принциповъ революціоннаго соціализма на основаніи народныхъ движеній новѣйшаго

времени. Эти лекціи соединяли съ серьезной мыслью необходимую ясность и простоту изложенія. Рабочіе Александро-Невской части слушали ихъ съ величайшимъ интересомъ. Понятно, объ этихъ лекціяхъ пошли разговоры по сосѣднимъ мастерскимъ. Вскорѣ слухи о нихъ достигли и до полиціи, которая рѣшила во что бы то ни стало разыскать пресловутаго Бородина (подъ этой фамиліей Кропоткинъ былъ извѣстенъ своимъ слушателямъ). Однако долгое время ея старанія оказывались тщетными.

«Лекціи были кончены, и Кропоткинъ вовсе не показывался въ домѣ, за которымъ слѣдили, готовясь отправиться «въ народъ», подъ видомъ странствующаго «богомаза», т.-е. иконописца.

«Жандармамъ удалось, однако, подкупить одного изъ рабочихъ, который сталъ шататься день за днемъ по всѣмъ большимъ улицамъ Петербурга, надѣясь рано или поздно столкнуться гдѣ-нибудь съ Бородинымъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ повстрѣчалъ Кропоткина въ Гостиномъ дворѣ и указалъ на него полиціи. Кропоткинъ былъ арестованъ. Вначалѣ онъ отказывался сообщить свое настоящее имя, но долго скрывать его было невозможно. Черезъ нѣсколько времени хозяйка дома, въ которомъ онъ нанималъ комнату, заявила полиціи, что одинъ изъ ея жильцовъ, князь Петръ Кропоткинъ, въ такой-то день исчезъ. На очной ставкѣ съ Бородинымъ она признала въ немъ своего жильца, и Кропоткину ничего не осталось, какъ подтвердить ея показаніе.

«Великъ былъ переполохъ, произведенный при дворѣ извѣстіемъ объ арестѣ такой важной особы. Самъ царь долго не могъ забыть объ этомъ.

«Цѣлыхъ три года Кропоткинъ просидѣлъ въ казематахъ Петропавловской крѣпости. Въ началѣ 1876 г. по распоряженію доктора онъ былъ переведенъ въ Николаевскій госпиталь, такъ какъ тюрьма настолько подорвала его здоровье, что онъ не могъ ни ѣсть, ни двигаться.

«Въ нѣсколько мѣсяцевъ, однако, онъ совершенно поправился, но дѣлалъ все, что могъ, чтобы скрыть это. Онъ еле передвигалъ ногами, говорилъ глухимъ голосомъ, точно вотъ-вотъ отдастъ Богу душу. Дѣло въ томъ, что изъ письма, переданнаго его друзьями, Кропоткинъ узналъ, что готовилась попытка устроить ему побѣгъ, а такъ какъ надзоръ въ госпиталѣ былъ гораздо слабѣе, чѣмъ въ крѣпости, то для него было очень важно остаться тамъ по возможности дольше.

«Въ іюлѣ 1876 г. побѣгъ былъ удачно совершонъ, по плану, придуманному самимъ Кропоткинымъ.

«Нѣсколько недѣль спустя Кропоткинъ былъ уже за границей.

«Съ этой поры начинается для него настоящая революціонная дѣятельность. Хотя она не связана собственно съ русскимъ движеніемъ, будучи посвящена исключительно западно-европейскому соціализму, тѣмъ не менѣе является, быть можетъ, единственной почвой, на которой могли обнаружиться въ настоящемъ свѣтѣ его замѣчательныя политическія дарованія.

«Кропоткинъ рожденъ для дѣятельности на широкомъ поприщѣ, а не въ подпольныхъ сферахъ тайныхъ обществъ. У него нѣтъ той гибкости и умѣнія приспособляться къ условіямъ момента и требованіямъ практической жизни, которыя такъ необходимы заговорщику.

«Онъ — страстный искатель истины, умственный вождь, а не человѣкъ дѣйствія. Онъ стремится къ торжеству извѣстныхъ идей, а не къ достиженію какой-нибудь практической цѣли, пользуясь тѣмъ, что имѣется подъ рукой. Въ убѣжденіяхъ своихъ онъ непреклоненъ и исключителенъ.

«Онъ не допускаетъ ни малѣйшаго уклоненія отъ ультра-анархической программы и потому никогда не находитъ возможнымъ сотрудничать въ какомъ бы то ни было русскомъ революціонномъ журналѣ, какъ изъ издававшихся въ тайныхъ типографіяхъ, такъ и заграничныхъ. Всегда отыскивался какой-нибудь пунктъ, съ которымъ онъ не могъ согласиться. Люди съ такимъ преобладаніемъ теоріи рѣдко становятся вожаками партій, дѣятельность которыхъ основана на заговорѣ.

«Заговоръ въ широкомъ революціонномъ движеніи— это то же, что партизанство въ обыкновенной войнѣ. Людей не много, и потому нужно умѣть извлекать изъ нихъ все возможное; почва для дѣятельности ограничена, а потому необходимо умѣть приспособляться къ ней; и хорошій партизанъ всегда долженъ умѣть воспользоваться и людьми и минутными обстоятельствами. Для Кропоткина же естественной стихіей является война настоящая, большая, а не маленькая, партизанская. Это—одинъ изъ тѣхъ людей, которые при благопріятныхъ условіяхъ становятся основателями широкихъ общественныхъ движеній.

«Онъ—замѣчательный агитаторъ. Одаренный отъ природы пылкой, убѣдительной рѣчью, онъ весь превращается въ страсть, лишь только всходитъ на трибуну. Подобно всѣмъ истиннымъ ораторамъ, онъ

возбуждается при видѣ слушающей его толпы. Тутъ онъ совершенно преображается.

«Онъ весь дрожитъ отъ волненія; голосъ его звучитъ тономъ глубокаго, искренняго убѣжденія человѣка, который вкладываетъ всю свою душу въ то, что говоритъ. Рѣчи его производятъ громадное впечатлѣніе, благодаря именно силѣ его воодушевленія, которое сообщается другимъ и электризуетъ слушателей. Когда по окончаніи рѣчи, блѣдный и взволнованный, Кропоткинъ сходитъ съ трибуны, вся зала гремитъ рукоплесканіями.

«Онъ—блестящій спорщикъ, и тягаться съ нимъ тутъ очень трудно. Будучи прекрасно знакомъ съ исторіей, особенно со всѣмъ, что касается народныхъ движеній, онъ искусно пользуется богатымъ запасомъ знаній и для подкрѣпленія своихъ мыслей — оригинальными и неожиданными примѣрами и аналогіями, что сильно способствуетъ убѣдительности и ясности его доводовъ.

«Онъ—превосходный публицистъ, горячій, остроумный, задорный.

«Даже въ своихъ сочиненіяхъ онъ остается агитаторомъ.

«Кропоткинъ — одинъ изъ самыхъ искреннихъ и прямодушныхъ людей, которыхъ мнѣ когда-либо приходилось встрѣчать. Онъ всегда говоритъ правду въ глаза, со всей деликатностью добраго и мягкаго человѣка, но безъ малѣйшаго снисхожденія къ мелкому самолюбію слушателя.

«Это безусловное прямодушіе—самая разительная и симпатичная черта его характера.

«Вы смѣло можете полагаться на каждое его слово. Искренность его такова, что, когда въ пылу спора

ему вдругъ приходитъ въ голову какое-нибудь совершенно новое соображеніе, заставляющее его призадуматься, онъ немедленно умолкаетъ, остается нѣсколько мгновеній погруженнымъ въ себя, затѣмъ начинаетъ думать вслухъ, какъ будто становясь на точку зрѣнія противника. Въ другихъ случаяхъ онъ мысленно перебираетъ всѣ приведенные во время спора аргументы и послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, обращаясь къ своему собесѣднику, произноситъ съ улыбкой: «Да, вы правы» («Подпольная Россія», 66—71 стр. Изд. «Свѣточа», 1906 г.).

Извѣстный европейскій критикъ Георгъ Брандесъ, лично хорошо знающій Кропоткина, написалъ прекрасное предисловіе къ «Запискамъ революціонера» и вотъ что онъ говоритъ о немъ: « . . . въ этой автобіографіи видно, какъ сформировался замѣчательный умъ. Можно сравнить ее съ «Исповѣдью» святого Августина, потому что книга является исторіей душевнаго кризиса, который соотвѣтствуетъ тому, что нѣкогда называлось «обращеніемъ». Дѣйствительно, этотъ кризисъ является поворотнымъ пунктомъ и сущностью всей книги. Въ настоящее время есть только два великихъ русскихъ, которые думаютъ для русскаго народа и мысль которыхъ принадлежитъ человѣчеству: Левъ Толстой и Петръ Кропоткинъ. Толстой намъ часто разсказывалъ въ художественной формѣ различные эпизоды своей жизни. Кропоткинъ даетъ намъ здѣсь, въ первый разъ не прибѣгая къ художественной переработкѣ беллетристическаго произведенія, бѣглый обзоръ всей своей дѣятельности.

«Хотя эти два человѣка радикально отличаются другъ отъ друга, но можно намѣтить параллель въ

ихъ жизни и въ ихъ пониманіи жизни. Толстой—художникъ, Кропоткинъ—ученый. Но въ жизни того и другого былъ моментъ, когда они не могли найти больше успокоенія въ работѣ, въ которую каждый изъ нихъ внесъ большія природныя дарованія. Толстого заставили свернуть съ пути, по которому онъ слѣдовалъ, религіозныя размышленія, а Кропоткина—размышленія соціальныя.

«Оба любятъ человѣчество и оба сурово осуждаютъ индиферентизмъ, недостатокъ мысли, грубость и жестокость высшихъ классовъ; обоихъ одинаково тянетъ къ униженнымъ и оскорбленнымъ. Оба видятъ въ мірѣ больше трусости, чѣмъ глупости. Оба—идеалисты и оба имѣютъ темпераментъ реформаторовъ. Оба по натурѣ миролюбивые люди, и Кропоткинъ болѣе миролюбивый изъ двухъ, хотя Толстой проповѣдуетъ постоянный миръ и осуждаетъ прибѣгающихъ къ силѣ для защиты своихъ правъ, тогда какъ Кропоткинъ оправдываетъ ихъ и поддерживаетъ дружескія отношенія съ террористами. Больше всего они расходятся въ одномъ пунктѣ—въ отношеніяхъ къ интеллигентному, образованному человѣку и къ наукѣ вообще. Толстой, въ своемъ религіозномъ пылу, презираетъ и обезцѣниваетъ и ученаго и науку; тогда какъ Кропоткинъ относится къ нимъ съ уваженіемъ, хотя онъ въ то же время осуждаетъ ученыхъ, забывающихъ про народъ и страданія массъ.

«Многіе свершили великое дѣло, хотя и не жили великою жизнью. Многіе люди интересны, хотя жизнь ихъ, можетъ быть, ничтожна и банальна. Жизнь Кропоткина въ одно и то же время велика и интересна.

«Дѣтство автора, проведенное въ Москвѣ и деревнѣ, портреты матери и сестеръ, учителей, старыхъ, вѣрныхъ слугъ, многочисленныя картины патріархальной жизни,—все это такъ хорошо описано, что тронетъ сердце всѣхъ. Картины природы, разсказъ о необычайно сильной любви между двумя братьями,—все это чистѣйшая идиллія.

«Но рядомъ съ этимъ, къ сожалѣнію, много слезъ и страданій: грубость семейной жизни, свирѣпое обращеніе съ крѣпостными, узость ума и жестокость сердецъ тѣхъ, которые правятъ судьбами людей.

«Есть также разнообразіе и есть драматическія катастрофы: жизнь придворная и жизнь въ тюрьмѣ, жизнь въ высшихъ кругахъ русскаго общества, близъ императоровъ и великихъ князей, и жизнь въ бѣдности, среди пролетаріата, въ Лондонѣ и въ Швейцаріи.

«Тутъ встрѣчается переодѣваніе, какъ въ драмѣ; главное дѣйствующее лицо днемъ является въ изящномъ костюмѣ въ Зимній дворецъ, а вечеромъ въ крестьянскомъ полушубкѣ отправляется въ предмѣстья, чтобы тамъ проповѣдывать среди крестьянъ революцію. Есть также сенсаціонный элементъ, принадлежащій роману. Хотя трудно себѣ представить что-нибудь болѣе простое, чѣмъ тонъ и стиль Кропоткина, въ разсказѣ есть, однако, мѣста, которыя по самой природѣ излагаемыхъ событій гораздо больше захватываютъ, чѣмъ все, что мы находимъ въ романахъ, написанныхъ единственно съ сенсаціонной цѣлью. Есть ли что болѣе захватывающее, чѣмъ разсказъ о приготовленіяхъ къ побѣгу изъ госпиталя и смѣлое выполненіе плана?

«Не многіе знали, какъ Кропоткинъ, всѣ слои общества, потому что жилъ въ нихъ.

«Какія картины! Вотъ Кропоткинъ въ дѣтствѣ: завитой, въ маскарадномъ костюмѣ онъ стоитъ возлѣ Николая I; вотъ онъ пажъ, бѣгущій за Александромъ II, чтобы защитить его отъ опасности; вотъ онъ въ страшной тюрьмѣ, гдѣ спроваживаетъ великаго князя Николая Николаевича и гдѣ слышитъ изо дня въ день все болѣе безумныя слова крестьянина, сидящаго въ камерѣ подъ нимъ и мало-помалу сходящаго съ ума.

«Онъ велъ жизнь аристократа и работника; онъ былъ камеръ-пажемъ императора и былъ очень бѣднымъ писателемъ; онъ былъ студентомъ, офицеромъ, ученымъ, изслѣдователемъ неизвѣстныхъ странъ, администраторомъ и революціонеромъ. Въ изгнаніи ему приходилось часто жить, какъ русскому крестьянину, чаемъ и хлѣбомъ; за нимъ шпіонили и его пытались убить, какъ русскаго императора.

«Не многіе пережили такъ много. Точно такъ, какъ геологъ, Кропоткинъ можетъ обнять доисторическую эволюцію въ теченіе тысячи вѣковъ: онъ можетъ также дать себѣ отчетъ въ исторической эволюціи его собственной эпохи. Къ литературному и научному образованію, пріобрѣтаемому въ университетѣ и рабочемъ кабинетѣ, т.-е. къ знанію языковъ, изящной литературы, философіи и высшей математики, Кропоткинъ съ раннихъ лѣтъ прибавилъ знанія, пріобрѣтаемыя въ мастерской, въ лабораторіи и въ полѣ, т.-е. естественныя и военныя науки, фортификацію, тайну механическихъ и промышленныхъ производствъ. Знанія его универсальны.

«Какъ долженъ былъ страдать этотъ дѣятельный умъ въ вынужденномъ бездѣйствіи въ тюрьмѣ.

«Какая школа терпѣнія и стоицизма. Въ одномъ

мѣстѣ Кропоткинъ говоритъ, что фундаментомъ во всякой организаціи должна быть высоко развитая нравственная личность. Это приложимо къ нему самому. Жизнь сдѣлала его однимъ изъ краеугольныхъ камней зданія будущаго.

«Кризисъ въ жизни Кропоткина заключаетъ два момента, которые слѣдуетъ отмѣтить.

«Онъ приближается къ тридцати годамъ, къ рѣшительному возрасту жизни человѣка.

«Душой и сердцемъ онъ человѣкъ науки; онъ сдѣлалъ цѣнное научное открытіе. Онъ нашелъ, что карты сѣверной Азіи невѣрны; что не только прежнія представленія о географіи Азіи ложны, но что и теоріи Гумбольдта расходятся съ фактами. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ погружается въ тщательныя изысканія. Разъ какъ молнія сверкнуло передъ нимъ истинное значеніе фактовъ. Онъ понялъ, что главныя линіи строенія Азіи идутъ не съ сѣвера на югъ, но съ запада на востокъ. Онъ провѣряетъ свое открытіе, прилагаетъ ко множеству отдѣльныхъ фактовъ, и всѣми оно подтверждается. Такимъ образомъ онъ познаетъ, въ наиболѣе благородной и чистой формѣ, радость научнаго открытія и постигаетъ, какъ оно возвышаетъ душу.

«Тогда наступаетъ кризисъ. Мысль о томъ, что эту радость могутъ испытывать лишь очень немногіе, мучаетъ его. Онъ задаетъ себѣ вопросъ, имѣетъ ли онъ право самъ одинъ наслаждаться знаніемъ. Онъ чувствуетъ, что есть высшій долгъ, что нужно скорѣе понести массамъ пріобрѣтенныя уже знанія, чѣмъ работать надъ новыми открытіями.

«Эта основная идея характеризуетъ Кропоткина. Въ ней онъ высказывается весь.

«И этотъ складъ ума увлекаетъ его дальше. Въ Финляндіи, гдѣ онъ стоитъ на порогѣ новаго научнаго открытія, гдѣ у него развивается мысль, тогда еще еретическая, что въ доисторическія времена вся сѣверная Европа находилась подъ ледянымъ покровомъ, онъ такъ живо тронутъ состраданіемъ къ бѣднымъ, къ страдающимъ, часто вѣдающимъ голодъ и жизнь которыхъ—настоящая борьба за существованіе, что онъ считаетъ своимъ долгомъ, долгомъ абсолютнымъ, стать для громадной трудящейся и обездоленной массы учителемъ и опорой.

«Вскорѣ послѣ этого предъ нимъ открывается новый міръ—жизнь рабочихъ классовъ, и онъ учится у тѣхъ, кого хотѣлъ учить.

«Пять или шесть лѣтъ спустя происходитъ второй фазисъ кризиса. Еще во время своей первой поѣздки въ Швейцарію Кропоткинъ оставилъ группу соціалистовъ-государственниковъ изъ опасенія экономическаго деспотизма, изъ ненависти къ централизаціи, изъ любви къ свободѣ личности и къ мірскому строю. Но только послѣ продолжительнаго заключенія въ Россіи и во время вторичнаго пребыванія среди развитыхъ работниковъ французской Швейцаріи неясное еще представленіе новаго соціальнаго строя приняло у него болѣе опредѣленную форму—федерацію общинъ, дѣйствующихъ сообща, подобно тому, какъ дѣйствуютъ теперь желѣзнодорожныя компаніи или почтовыя учрежденія разныхъ странъ. Съ тѣхъ поръ окончательно сложилось его міросозерцаніе. Онъ знаетъ, что не можетъ указать обязательнаго пути для будущаго; онъ убѣжденъ, что все должно произойти отъ созидательной дѣятельности массъ; но онъ сравниваетъ, для на-

глядности, будущій общественный строй съ корпораціями и взаимными отношеніями, существовавшими въ средніе вѣка и явившимися какъ результатъ дѣйствія массъ.

«Кропоткинъ называетъ себя революціонеромъ, и совершенно справедливо. Но рѣдко бываютъ такіе гуманные и мягкіе революціонеры. Читатель изумленъ, когда, по случаю едва не состоявшейся вооруженной схватки съ швейцарской полиціей, у автора проявляется воинственный инстинктъ, существующій у каждаго изъ насъ. Кропоткинъ говоритъ, что онъ не могъ бы тогда сказать съ увѣренностью, радовался ли онъ съ друзьями, или огорчался, что стычка не состоялась. Но это выраженіе чувства стоитъ совсѣмъ особнякомъ. Авторъ никогда не былъ мстителемъ, но всегда мученикомъ.

«Онъ не требовалъ самопожертвованія отъ другихъ, но постоянно оставлялъ это для себя. Всю жизнь онъ поступалъ такимъ образомъ. Но онъ такъ мало говоритъ объ этомъ, какъ будто жертвы ему ничего не стоили. И несмотря на всю его энергію, духъ мщенія такъ слабъ въ немъ, что, упоминая объ одномъ негодяѣ, тюремномъ врачѣ, Кропоткинъ ограничивается замѣчаніемъ: «чѣмъ меньше скажемъ о немъ, тѣмъ лучше».

«Это революціонеръ безъ напыщенности и громкихъ фразъ. Онъ смѣется надъ клятвами и церемоніями, которыми заговорщики связываютъ себя въ драмахъ и въ операхъ. Человѣкъ этотъ—олицетвореніе простоты. По характеру онъ можетъ выдержать сравненіе съ любымъ борцомъ за свободу любой страны. Никто не былъ больше безкорыстенъ и больше его никто не любилъ человѣчество».

Кропоткинъ родился въ 1842 году въ Москвѣ, сейчасъ ему, значитъ, 64 года, но ихъ трудно ему дать; это попрежнему горячій, увлекающійся человѣкъ, чуткій ко всему, что творится въ соціалистическомъ мірѣ, и попрежнему принимающій горячее участіе въ анархическомъ движеніи; русскія событія снова приковали его цѣликомъ къ родинѣ, съ которой онъ, однако, никогда не порывалъ духовныхъ связей, онъ рвется домой и строитъ цѣлый рядъ плановъ для внесенія своихъ идей въ обиходъ русской революціи.

Вотъ уже около 20 лѣтъ почти безвыѣздно живетъ онъ въ Англіи, съ тѣхъ поръ, какъ запретили ему жить на континентѣ. Но душно ему здѣсь, и не разъ онъ говаривалъ: «ужъ лучше французская тюрьма, чѣмъ эта могила».

Духовно онъ связанъ больше всѣхъ съ Франціей, всѣ его симпатіи лежатъ къ романскимъ и славянскимъ народамъ и онъ очень скептически отзывается о нѣмцахъ и англичанахъ, несмотря на то, что у послѣднихъ пользуется большимъ уваженіемъ и популярностью во всѣхъ слояхъ. Живетъ П. А. очень скромно въ глухомъ провинціальномъ городкѣ подъ самымъ Лондономъ, все время занятъ работой и только по воскресеньямъ удѣляетъ свое время посѣтителямъ со всего міра. Несмотря на долгіе годы оторванности отъ Россіи, въ домѣ у него васъ сразу обдаетъ русскимъ гостепріимствомъ, теплотой и радушіемъ; если нѣтъ иностранцевъ, то въ домѣ всегда русская рѣчь, и дочь Петра Алексѣевича, никогда не видавшая Россіи, прекрасно говоритъ на родномъ языкѣ, что очень рѣдко въ русской эмиграціи.

Петръ Алексѣевичъ придавалъ всегда громадное значеніе газетѣ, журналу и при первой возможности старался осуществить ихъ; деньги для него—послѣднее дѣло: «были бы люди, а деньги всегда найдутся», и дѣйствительно — находились деньги, разъ были люди; а онъ обладаетъ удивительною способностью привлекать къ себѣ людей, сгруппировывать вокругъ себя, и невольно каждый въ его сообществѣ находилъ себѣ и дѣло и способность добыть средства на нужное дѣло.

Своей журнальной дѣятельности для пропаганды анархическихъ идей онъ никогда не прерывалъ, если только ему не мѣшало тюремное сидѣніе.

Основавъ въ Швейцаріи съ товарищами въ 1879 году «Révolté», которая просуществовала до 1886 г., онъ въ 1887 выпускаетъ на смѣну закрытой «la Révolte», просуществовавшую до 1894 г.; этой газетѣ наслѣдовала новая—«Temps Nouveaux», благополучно здравствующая въ Парижѣ и до сихъ поръ; въ Лондонѣ Кропоткинъ основываетъ англійскую анархическую газету «Freedom», а когда въ Женевѣ съ 1903 г. стала выходить на русскомъ языкѣ газета «Хлѣбъ и воля», то и тутъ Кропоткинъ нашелъ время принимать самое горячее товарищеское участіе.

Все, что вышло изъ-подъ пера Кропоткина, прежде всего появлялось въ этихъ газетахъ, и только статьи чисто научнаго содержанія или имѣющія широкое общественное значеніе печатались имъ въ серьезномъ англійскомъ журналѣ «Nineteenth Century», гдѣ онъ въ первый пріѣздъ въ Лондонъ получилъ теплый пріемъ и работу.

Нѣкоторыя отдѣльныя мелкія статьи впослѣдствіи были собраны въ отдѣльныя книжки и затѣмъ полу-

чили дальнѣйшее распространеніе; всѣ его произведенія усиленно переводились рѣшительно на всѣ европейскіе языки, съ ними знакомы въ Европѣ всѣ мало-мальски грамотные люди, и только на родинѣ о немъ и о его вещахъ знали мало, «по наслышкѣ», не будучи притомъ увѣрены, живъ ли онъ и гдѣ онъ. Можно безъ малѣйшаго преувеличенія сказать, что больше всѣхъ Кропоткину соціалистическій анархизмъ обязанъ тѣмъ, что онъ теперь приведенъ въ систему, представляетъ изъ себя законченную научно-философскую систему, что даетъ возможность всякому, желающему разобраться въ анархизмѣ, уяснить его сущность и не смѣшивать съ черносотенной анархіей, какое представленіе, къ сожалѣнію, не рѣдкость встрѣтить даже среди такъ называемой образованной публики.

Сейчасъ на нашемъ рынкѣ уже появилось нѣсколько книгъ и брошюръ Кропоткина: «Рѣчи бунтовщика» (по-французски «Paroles d'un Révolté»), «Завоеваніе хлѣба» (по-фр. «Conquête du pain», а въ нелегальномъ изданіи «Хлѣбъ и воля»), «Взаимопомощь среди животныхъ и людей» (въ изд. Орѣхова, подъ псевдонимомъ автора «П. Кр—инъ») и «Земледѣліе, промышленность и ремесла» (въ изданіи «Посредника»). Вышеупомянутыя четыре книги Кропоткинъ считаетъ основными вещами, по которымъ можно опредѣленно составить себѣ представленіе объ его ученіи; кромѣ того, вышли брошюры: «Анархія, ея философія, ея идеалъ» и настоящая «Современная наука и анархизмъ». Фирмой «Знаніе» въ Спб. получено право на изданіе полнаго собранія сочиненій Петра Алексѣевича, и въ него войдутъ, кромѣ перечисленныхъ сейчасъ вещей и «Записокъ революціонера», еще:

«Государство и роль его въ исторіи», «Парижская коммуна», «Тюрьмы во Франціи и въ Россіи», «Мораль анархиста» и большая вещь его (рядъ лекцій, читанныхъ въ Америкѣ) «Идеалъ и дѣйствительность русской литературы».

За послѣднее время Кропоткинымъ заканчивается большой трудъ, которымъ онъ очень дорожитъ,—это «Роль народа въ великой французской революціи»; частями трудъ этотъ печатался—и не законченъ еще—въ «Temps Nouveaux».

Подробное перечисленіе всѣхъ литературныхъ трудовъ Кропоткина приведено анархистомъ-библіографомъ въ его книгѣ «Bibliographie de l'anarchie», работа доведена до 1897 г. Приводимъ оттуда этотъ перечень и отсылаемъ къ библіографіи всѣхъ тѣхъ, кто вообще пожелаетъ ознакомиться съ анархической литературой; у насъ о ней существуетъ представленіе такое, будто ея нѣтъ, между тѣмъ библіографія насчитываетъ на своихъ 294 стр. болѣе полуторы тысячи названій.

Paroles d'un Révolté.
La Conquête du Pain, préface par Elisée Reclus.
La Situation (Révolté, 8 mars 1879).
La Décomposition des Etats (Révolté, 5 avril 1879. Paroles).
Le Procès de Solovieff (la vie d'un socialiste russe).
Idée anarchiste au point de vue de sa réalisation pratique. Conclusions d'un rapport sur ce sujet, lues par Levachoff à la Réunion Jurasienne (Révolté, 1879).
L'Idée anarchiste au point de vue de sa réalisation pratique. Conclusions du travail sur ce sujet lues par la comp. Levachoff à la réunion de la Fédération jurasienne du 12 octobre 1879 (à la Chaux-de-Fonds).
La prochaine Révolution (Révolté, 1880. Paroles).

Le gouvernement représentatif (Révolté, 1880).
La Commune de Paris (Révolté, 1880. Paroles).
La Commune (Révolté, Paroles, 1880).
Aux Jeunes Gens (Révolté, 1880. Paroles).
La question agraire (Révolté, 1887. Paroles).
La Nécessité de la Révolution (Révolté, 1881. Paroles).
La vérité sur les Exécutions en Russie, suivie d'une Esquise biographique sur Sophie Perovskaia.
L'Esprit de Révolte (Révolté, 1881. Paroles).
Tous Socialistes! (Révolté, 1881. Paroles.)
L'Ordre (Révolté, 1881. Paroles).
Les Minorités révolutionnaires (Révolté, 81. Paroles).
Les Droits politiques (Révolté, 82. Paroles).
La Loi et l'autorité (Révolté, 82. Paroles).
Le gouvernement révolutionnaire (Révolté, Paroles).
Théorie et Pratique (Révolté, Paroles).
La Guerre (Révolte, Paroles).
L'Expropriation (Révolté, 1886).
L'Anarchie dans l'Evolution socialiste (Révolté).
Les Prisons (Révolté).
Influence morale des prisons sur les prisonniers, Conférence faite le 20 decembre 1887 à la Salle Rivoli (Révolté, 1887—1888).
In Russian and French Prisons (London, 1887).
Le Logement (Révolté, 1886. Conquête).
Les Denrées (Révolté, 1886. Conquête).
Le Vètement (Révolté, 1886. Conquète).
Les Besoins scientifiques (Révolté, 87).
La Libre Entente (Révolté, 87. Conquête).
Production et Consommation (Révolté, 87. Conquêtte).
The Scientific Basis of Anarchy (Nineteenth Century, 87).
The Breakdown of our industrial system (Ninet. Cent., 88).
The Coming Reign of Plenty (Ninet. Cent., 1888).
The Industrial Village of the Future (Ninet. Cent., 88).
Communist Anarchism. A spech delivered... at the Freedom Group meeting. M. 15. 88 (Freedom, 1888).
Le Salariat (la Révolte, 88).
1789—1889 (Révolté, 1889).
Le Centenaire de la Révolution (Révolte, 1889).
The Great French Revolution and its Lessons (Nin. Cent, 1889).
La Division du Travail (la Révolte, 89).

Le Commerce extérieur et la Misère à l'Intérieur (la Révolte, 89.
La Décentralisation des Industries (Conquête).
Le Travail agréable (la Révolte, 90. Conquête).
Brain Work and Manual Work (Ninet. Cent., 1890).
La Morale anarchiste (la Révolte, 1890).
Encore la Morale.
Nos richesses (la Révolte, 1890. Conquête).
L'Aisance pour tous (la Révolte, 1890. Conquête).
Le Communisme anarchiste (la Révolte, 1890. Conquête).
Mutual Aid among Animals (Ninet. Cent., 90.)
L'Agriculture (la Révolte, 1890. Conquête).
Le capital de la révolution (la Révolte, 1891).
Intensive Agriculture (The Forum, 1891).
Etude sur la Révolution (la Révolte, 92—93).
Un temps d'arrét (le Temps Nouv., 95).
L'Utopie gouvernementale (la Révolte, 92—93).
L'Anarchie, sa philosophie, son ideal (Paris, 96).
и кромѣ того много чисто научныхъ, помѣщенныхъ въ „Nineteenth Century" и др.

Ф. Рындинъ.

Современная наука и анархизмъ.

I.

Въ предлагаемомъ очеркѣ я постараюсь вкратцѣ изложить положеніе анархизма въ современной наукѣ и философіи.

Анархизмъ, какъ и соціализмъ вообще и какъ всякое другое общественное движеніе, развился, конечно, не изъ науки, не изъ философіи. Общественныя науки еще очень далеки отъ того времени, когда онѣ станутъ такими же точными, какъ физика и химія. И если мы даже въ изученіи климата и погоды (метеорологіи) еще не дошли до того, чтобы предсказывать погоду за мѣсяцъ впередъ или даже за недѣлю, то напрасно было бы ожидать отъ молодыхъ общественныхъ наукъ, имѣющихъ дѣло съ явленіями, несравненно болѣе сложными, чѣмъ вѣтеръ и дождь, чтобы онѣ могли уже съ достовѣрностью предсказывать грядущія общественныя явленія. Притомъ же не слѣдуетъ забывать, что ученые—тѣ же люди и что большинство изъ нихъ или принадлежитъ по происхожденію къ зажиточнымъ классамъ и пропитано предразсудками своего класса, или же состоитъ на службѣ у государства. Не изъ университетовъ, слѣдовательно, идетъ анархизмъ.

Какъ и соціализмъ вообще, анархизмъ родился

среди народа, и до тѣхъ только поръ онъ останется полнымъ жизни и творческой силы, пока будетъ оставаться народнымъ.

Во всѣ времена въ человѣческихъ обществахъ боролись два теченія. Съ одной стороны, народныя массы вырабатывали, въ видѣ обычая, рядъ учрежденій, необходимыхъ для того, чтобы общественная жизнь была возможна, чтобъ обезпечить миръ въ своей средѣ, улаживать возникающіе раздоры и помогать другъ другу во всемъ томъ, что требуетъ соединенныхъ усилій.

Родовой бытъ у дикарей, сельская община и мірской судъ, охотничьи и, позднѣе, промышленныя артели, вольные города-республики вѣчевого строя, возникшіе среди нихъ зачатки международнаго права и многія другія учрежденія были выработаны не законодателями, а самимъ народнымъ творчествомъ.

И во всѣ времена появлялись также среди людей волхвы, шаманы, прорицатели, жрецы и начальники военныхъ дружинъ, стремившіеся установить и упрочить свою власть надъ народомъ. Они сплочивались между собой, вступали въ союзъ и поддерживали другъ друга, чтобы начальствовать надъ людьми, держать ихъ въ повиновеніи, управлять ими и заставлять ихъ работать на себя.

Анархизмъ является, очевидно, представителемъ перваго теченія, то-есть творческой созидательной силы самого народа, стремившагося выработать учрежденія обычнаго права, которыя уберегли бы его отъ желающаго властвовать меньшинства. Силою же народнаго творчества и народной созидательной дѣятельности, опирающейся на современное знаніе и технику, анархизмъ стремится и теперь

выработать учрежденія, которыя обезпечили бы свободное развитіе общества. Въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно, безгосударственники и государственники существовали во всѣ времена исторіи.

Затѣмъ во всѣ времена происходило также то, что учрежденія — даже самыя прекрасныя по своей первоначальной цѣли, выработанныя сперва людьми ради обезпеченія равенства, мира и взаимной поддержки — со временемъ окаменѣвали, утрачивали свой первоначальный смыслъ, подпадали подъ иго властолюбиваго меньшинства и становились, наконецъ, стѣсненіемъ для личности, въ ея стремленіи къ дальнѣйшему развитію. Тогда отдѣльныя личности возставали противъ этихъ учрежденій. Но одни изъ этихъ недовольныхъ старались сбросить съ себя иго общественныхъ учрежденій — рода, общины, гильдіи — исключительно для того, чтобы получить возможность самимъ возвыситься надъ остальными и обогатиться на ихъ счетъ; тогда какъ другіе возставали противъ стѣснительнаго установленія съ цѣлью видоизмѣнить его на пользу всѣмъ — въ особенности же, чтобы стряхнуть ярмо власти, насѣвшей на общество. Всѣ реформаторы, политическіе, религіозные и экономическіе, принадлежали къ этому числу. И среди ихъ во всѣ времена появлялись также личности, которыя, не дожидаясь, чтобы всѣ ихъ сородичи или даже большинство прониклись тѣми же воззрѣніями, шли впередъ — гдѣ можно, гурьбою, а не то и въ одиночку — на борьбу противъ угнетенія. Такія личности становились революціонерами, и мы ихъ также встрѣчаемъ во всѣ времена.

Но и сами революціонеры обыкновенно являлись въ исторіи съ двоякимъ характеромъ. Одни изъ нихъ,

возставая противъ власти, которая насѣла на общество, стремились не уничтожить ея, а только захватить ее въ свои руки. На мѣсто власти, ставшей стѣснительною, они стремились создать новую, обѣщая, что она будетъ держать близко къ сердцу интересы народа и станетъ представительницею самого народа. Такъ между прочимъ создавалась власть кесаря въ императорскомъ Римѣ, церковная власть въ первые вѣка послѣ паденія Римской имперіи и власть диктаторовъ въ эпоху упадка средневѣковыхъ городовъ-республикъ; этимъ же теченіемъ пользовалась королевская и царская власть къ концу феодальнаго періода. Вѣра въ императора-народника (цезаризмъ) не угасла даже до сихъ поръ.

Но въ то же время всегда намѣчалось и другое теченіе. Во всѣ времена, начиная съ древней Греціи, появлялись личности и направленія, стремившіяся не къ замѣнѣ одной власти другою, а къ уничтоженію власти, насѣвшей на общественныя учрежденія. Они провозглашали верховныя права личности и народа и стремились освободить народныя учрежденія отъ чуждой и враждебной имъ силы съ тѣмъ, чтобы свободное народное творчество могло переустроить вновь эти учрежденія согласно новымъ потребностямъ. Въ исторіи древне-греческихъ, а въ особенности средневѣковыхъ городовъ-республикъ мы находимъ множество поразительныхъ примѣровъ этой борьбы (Флоренція и Псковъ особенно любопытны въ этомъ отношеніи). Въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно, якобинцы и анархисты также существовали во всѣ времена среди реформаторовъ и революціонеровъ.

Въ прошлые вѣка бывали даже громадныя народныя движенія этого послѣдняго характера. Многія

тысячи людей поднимались тогда противъ государственнаго начала, его орудій—суда и законовъ, провозглашая верховныя права человѣка. Отрицая всѣ писанные законы, эти движенія стремились основать новое общество на началахъ равенства и труда и на управленіи каждаго своею собственною совѣстью. Въ христіанскомъ движеніи, начавшемся въ Іудеѣ въ правленіе Юлія Кесаря, противъ римскаго закона, римскаго государства и римской нравственности (или, вѣрнѣе, безнравственности), несомнѣнно, было въ основѣ много анархическаго. Только понемногу выродилось оно въ церковное движеніе, по образцу древне-еврейской церкви и самаго Рима, которое убило анархическую закваску, приняло римскія государственныя формы и стало со временемъ главнымъ оплотомъ государственной власти, рабства и угнетеній.

Точно такъ же въ движеніи анабаптистовъ, которое въ сущности и положило начало реформаціи, было много анархическаго. Но, раздавленное тѣми изъ реформаторовъ, которые подъ руководствомъ Лютера сошлись съ князьями противъ возставшихъ крестьянъ, оно заглохло послѣ кровавыхъ расправъ надъ крестьянами и горожанами. Тогда правое крыло реформаторовъ выродилось понемногу въ ту сдѣлку со своею совѣстью и съ государствомъ, которая существуетъ теперь подъ именемъ протестантизма.

Повторяя вкратцѣ сказанное,—анархизмъ ведетъ, слѣдовательно, свое происхожденіе изъ созидательной, творческой народной дѣятельности, которою вырабатывались въ прошломъ всѣ учрежденія общежитія, и изъ протеста, изъ возстанія личности и народовъ противъ насѣвшей на эти учрежденія, чуждой имъ илы,—того протеста, въ которомъ возстававшіе стре-

мились дать снова просторъ творческой народной дѣятельности, съ тѣмъ чтобы она могла проявиться съ новою силою для выработки нужныхъ учрежденій.

Въ наше время анархизмъ родился изъ того же протеста—критическаго и революціоннаго, изъ котораго родился весь соціализмъ. Только часть соціалистовъ, дойдя до отрицанія капитала и общественнаго строя, основаннаго на порабощеніи работника капиталистомъ, остановилась на этомъ. Она не возстала противъ главнаго, по нашему мнѣнію, оплота капитала — государства—и главныхъ его оплотовъ: объединенія власти, закона (писаннаго меньшинствомъ на пользу меньшинства) и суда, установленнаго главнымъ образомъ для защиты власти и капитала. Анархизмъ же не остановился въ своей критикѣ передъ этими учрежденіями. Онъ поднялъ свою святотатственную руку не только противъ капитала, но и противъ этихъ оплотовъ капитализма.

II.

Но если анархизмъ, подобно всѣмъ другимъ революціоннымъ направленіямъ, зародился среди народа—въ борьбѣ, а не въ кабинетѣ ученаго, то тѣмъ не менѣе важно знать, какое мѣсто занимаетъ онъ среди различныхъ научныхъ и философскихъ теченій мысли, существующихъ въ настоящее время; какъ онъ къ нимъ относится; на которое изъ нихъ онъ преимущественно опирается; какимъ методомъ пользуется онъ, чтобы обосновать и подкрѣпить свои выводы? Другими словами, къ какой школѣ философіи права онъ принадлежитъ и съ какимъ изъ нынѣ существующихъ направленій въ наукѣ онъ выказываетъ наибольшее сродство?

Для русской молодежи, непомѣрно увлекавшейся за послѣднее время экономической метафизикою, такой вопросъ, вѣроятно, представитъ нѣкоторый интересъ, и я постараюсь отвѣтить на него, по мѣрѣ силъ, коротко и ясно и по возможности избѣгая мудреныхъ словъ тамъ, гдѣ ихъ можно избѣжать.

Умственное движеніе нашего вѣка ведетъ свое начало отъ шотландскихъ и французскихъ философовъ середины и конца восемнадцатаго вѣка. Всеобщій подъемъ мысли, начавшійся въ ту пору, привелъ этихъ мыслителей къ желанію охватить всѣ человѣческія знанія въ одной общей системѣ. Отбросивъ царившую до тѣхъ поръ средневѣковую схоластику и метафизику, они рѣшились взглянуть на всю природу, на звѣздный міръ, на жизнь нашей солнечной системы и нашей планеты, на развитіе животнаго міра и человѣческихъ обществъ какъ на явленія, подлежащія естественно-научному изслѣдованію.

Широко пользуясь истинно-научнымъ, индуктивно-дедуктивнымъ методомъ, они приступали къ изученію всякой группы явленій — будь ли то изъ міра звѣздъ, или изъ міра животныхъ, или изъ міра человѣческихъ вѣрованій и учрежденій—такъ, какъ приступаетъ естествоиспытатель къ изученію любого физическаго вопроса. Они тщательно изучали явленія и свои обобщенія строили путемъ наведенія (индукціи). Дедуктивнымъ путемъ они доходили до нѣкоторыхъ предположеній (гипотезъ); но они смотрѣли на нихъ такъ, какъ смотрѣлъ, напримѣръ, Дарвинъ на свое предположеніе о закрѣпленіи новыхъ видовъ путемъ борьбы за существованіе или какъ Менделѣевъ смотритъ на свой „періодическій законъ“. Они видѣли въ нихъ предположенія, удобныя для группировки фактовъ и

ихъ дальнѣйшаго изученія, но подлежащія провѣркѣ индуктивнымъ путемъ и становящіяся законами (доказанными обобщеніями) только тогда, когда они выдержатъ эту провѣрку и послѣ того какъ причины закономѣрности будутъ выяснены.

Когда центръ философскаго движенія перешелъ изъ Шотландіи и Англіи во Францію, то французскіе философы со свойственнымъ имъ чувствомъ стройности взялись за систематическую перестройку всѣхъ человѣческихъ знаній—естественно-научныхъ, историческихъ—на тѣхъ же началахъ. Отсюда родилась попытка построить обобщеніе знанія—философію—всего міра и всей его жизни въ стройной научной формѣ, отбрасывая всякія метафизическія построенія и объясняя всѣ явленія дѣйствіемъ тѣхъ же физическихъ, то-есть механическихъ, силъ, которыя оказались достаточными для объясненія возникновенія и развитія земного шара.

Говорятъ, что въ отвѣтъ на замѣчаніе Наполеона I-го Лапласу, что въ его „Системѣ міра" нигдѣ не упоминается Богъ, Лапласъ отвѣтилъ: „я не нуждался въ этой гипотезѣ". Но Лапласъ не нуждался не только въ этомъ предположеніи,—онъ не почувствовалъ надобности прибѣгнуть и къ метафизическимъ словамъ, за которыя прячется туманное непониманіе явленій и неспособность представить ихъ въ конкретной, невещественной формѣ, въ видѣ измѣримыхъ величинъ. Онъ обошелся безъ метафизики. И хотя въ его „Изложеніи системы міра" нѣтъ математическихъ выкладокъ и написана она такъ просто, что доступна каждому образованному читателю,—математики смогли выразить впослѣдствіи каждую отдѣльную мысль этой книги въ видѣ точныхъ математическихъ

уравненій, то-есть въ отношеніяхъ измѣримыхъ величинъ. До того точно и строго мыслилъ и выражался Лапласъ.

Точно такъ же отнеслись французскіе философы восемнадцатаго вѣка и къ явленіямъ духовнаго міра. У нихъ вовсе не встрѣчается такихъ метафизическихъ утвержденій, какія мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у Канта. Кантъ, какъ извѣстно, объяснялъ нравственное чувство человѣка „категорическимъ императивомъ, который можетъ стать всеобщимъ закономъ“. Но здѣсь что ни слово, то подставленіе нѣкоего туманнаго, непонятнаго представленія (императивъ категорическій, законъ всеобщій) на мѣсто того вещественнаго факта, который требуется объяснить. Французскіе же энциклопедисты, такъ же какъ и ихъ англійскіе предшественники, пытаясь объяснить, откуда въ человѣкѣ берется понятіе о добрѣ и злѣ, не подставляли „словечка тамъ, гдѣ понятія плохуютъ“, какъ выразился Гёте. Они брали человѣка—живого, какой онъ есть. Они изучали его и находили, какъ это сдѣлалъ Хэтчесонъ (1725), а за нимъ Адамъ Смитъ, въ своемъ лучшемъ сочиненіи „О происхожденіи нравственности“, что нравственныя понятія развивались въ человѣкѣ изъ чувства сожалѣнія (симпатіи), изъ его способности отождествлять себя съ другими, изъ того, что мы почти чувствуемъ боль, когда при насъ бьютъ ребенка, и возмущаемся этимъ. Изъ такихъ простыхъ наблюденій надъ общеизвѣстными фактами доходили они постепенно до самыхъ широкихъ обобщеній. Такимъ образомъ они дѣйствительно объясняли сложное нравственное чувство болѣе простыми фактами, а не подставляли на мѣсто понятныхъ, извѣстныхъ намъ фактовъ нравственнаго чувства непонятныя,

туманныя и ничего необъясняющія слова, въ родѣ „категорическаго императива“ или „всеобщаго закона“. Польза такого пріема очевидна. На мѣсто „внушенія свыше“ и внѣ-человѣческаго чудеснаго происхожденія нравственности являлось вынесенное человѣкомъ изъ опыта и унаслѣдованное чувство симпатіи, жалости, усовершенствованное впослѣдствіи дальнѣйшимъ наблюденіемъ общественной жизни.

Переходя отъ міра звѣздъ и физическихъ явленій къ міру химическихъ преобразованій или отъ физики и химіи къ жизни растеній и животныхъ, а затѣмъ и къ развитію экономическихъ и политическихъ формъ общежитія и религій,—мыслители восемнадцатаго вѣка не мѣняли своего пріема (метода) изслѣдованій. Они прилагали ко всѣмъ областямъ знанія все тотъ же индуктивный методъ. И такъ какъ даже въ области нравственныхъ понятій они не находили той точки, гдѣ бы этотъ пріемъ оказался несостоятельнымъ и гдѣ пришлось бы поневолѣ прибѣгнуть либо къ метафизическимъ представленіямъ (Богъ, безсмертная душа, жизненная сила, категорическій императивъ, вдохнутый свыше, и тому подобное), либо къ замѣнѣ индуктивнаго метода какимъ-нибудь другимъ, схоластическимъ методомъ, они весь міръ, всѣ его явленія пытались объяснить тѣмъ же естественно-научнымъ путемъ. Энциклопедисты составляли свою монументальную энциклопедію, Лапласъ писалъ „Систему міра“, а Гольбахъ—„Систему природы“; Лавуазье выступилъ съ неистребимостью вещества, а слѣдовательно и энергіи движенія (Ломоносовъ въ то же время набрасывалъ механическую теорію теплоты); Ламаркъ брался за объясненіе происхожденія новыхъ видовъ путемъ накопленія физическихъ измѣненій въ зави-

симости отъ среды; Дидро давалъ объясненіе нравственности, обычаевъ и религій, чуждыхъ всякихъ внушеній извнѣ; Руссо пытался объяснить зарожденіе политическихъ учрежденій путемъ договора, то-есть акта человѣческой воли... Словомъ, не было области, которой они не начали бы разрабатывать на почвѣ вещественныхъ явленій все тѣмъ же естественно-научнымъ методомъ.

Конечно, въ этой смѣлой попыткѣ были сдѣланы и нѣкоторые крупные промахи. Тамъ, гдѣ не хватало знаній, высказывались предположенія, иногда очень смѣлыя, а иногда и совершенно ошибочныя. Но новый методъ былъ приложенъ къ разработкѣ всѣхъ отраслей знанія, и благодаря ему самыя ошибки легко были открыты и указаны впослѣдствіи. И тѣмъ самымъ нашему вѣку, девятнадцатому, было завѣщано орудіе изслѣдованія, которое дало намъ возможность построить все наше міровоззрѣніе на научныхъ началахъ, освободивъ его какъ отъ завѣщанныхъ намъ суевѣрій, такъ и отъ привычки отдѣлываться отъ научныхъ вопросовъ туманными словами.

Послѣ пораженія французской революціи начинается всеобщая реакція—въ политикѣ, въ наукѣ, въ философіи.

Конечно, основныя начала Великой революціи не погибли. Освобожденіе крестьянъ и горожанъ отъ крѣпостной зависимости, равенство передъ закономъ и представительное (конституціонное) правленіе, провозглашенныя революціею, стали медленно пролагать себѣ путь въ жизни во Франціи и внѣ ея. Послѣ революціи, провозгласившей великія начала свободы, равенства и братства, началась медленная эволюція, то-есть медленное преобразованіе, которое проводило въ жизнь и въ законы начала, намѣченныя, но только

отчасти осуществленныя революціею. (Такое осуществленіе эволюціею началъ, провозглашенныхъ предыдущею революціей, можно даже признать закономъ развитія обществъ.) Хотя церковь, государство и даже наука начали топтать въ грязь то знамя, на которомъ революція начертала: „Свобода, равенство и братство", хотя примиреніе съ существующимъ и стало на время всеобщимъ лозунгомъ, но начала свободы все-таки проводились понемногу въ жизнь. Крѣпостныя отношенія, уничтоженныя республиканскими арміями въ Италіи и Испаніи, были, правда, возстановлены; возродилась даже инквизиція. Но имъ уже нанесенъ былъ смертный ударъ, и они погибли. Волна освобожденія отъ крѣпостного ига дошла сперва до западной, а потомъ и до восточной Германіи и разлилась по полуостровамъ; идя медленно на востокъ, она достигла Россіи въ 1861 году и Балканскаго полуострова въ 1878-мъ. Рабство исчезло въ Америкѣ въ 1863 году. Въ то же время идея равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ и представительнаго правленія распространилась тоже волною съ запада на востокъ, и къ концу столѣтія одна только Россія осталась подъ игомъ, надтреснутаго впрочемъ, самодержавія.

Съ другой стороны, на рубежѣ восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣка уже провозглашены были идеи экономическаго освобожденія. Годвинъ въ Англіи выступилъ въ 1793 году со своимъ поистинѣ замѣчательнымъ сочиненіемъ: „Изслѣдованіе политической справедливости и ея вліянія на общую нравственность и счастье" (An Enquiry into Political Justice etc.), гдѣ онъ явился первымъ теоретикомъ безгосударственнаго, чистаго соціализма, то-есть анархизма; а Бабефъ, въ

особенности, повидимому, подъ вліяніемъ Буонаротти, выступилъ въ 1796 году первымъ теоретикомъ централизованнаго государственнаго соціализма.

Затѣмъ, разрабатывая начала, намѣченныя уже въ прошломъ вѣкѣ, появляются Фурье, Сенъ-Симонъ и Робертъ Оуэнъ—три основателя современнаго соціализма въ трехъ главныхъ его школахъ,—а въ сороковыхъ годахъ Прудонъ, незнакомый съ Годвиномъ, сызнова кладетъ основы анархизма.

Научныя основы какъ государственнаго, такъ и безгосударственнаго соціализма были такимъ образомъ положены съ полнотою, вовсе не оцѣненною нашими современниками въ началѣ девятнадцатаго вѣка. Въ двухъ только пунктахъ, несомнѣнно весьма важныхъ, современный соціализмъ сдѣлалъ крупный шагъ впередъ: онъ сталъ революціоннымъ и порвалъ связь съ христіанскою религіей. Онъ понялъ, что для осуществленія его идеаловъ нужна соціальная революція не въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ иногда о „промышленной революціи" или о „революціи въ наукахъ", но въ точномъ, вещественномъ смыслѣ слова „революція"—въ смыслѣ ломки коренныхъ основъ нынѣшняго общества. И онъ пересталъ путать свои воззрѣнія съ мечтательно-реформаціонными воззрѣніями христіанской религіи. Но это послѣднее было сдѣлано уже Годвиномъ и Р. Оуэномъ. Что же касается до поклоненія передъ сосредоточенною властью и до возвеличенія подчиненности (дисциплины), которымъ человѣчество исторически обязано больше всего средневѣковой церкви и церковному правленію вообще, — то эти „переживанія" до сихъ поръ еще удержались среди массы соціалистовъ, которые такимъ образомъ еще не дошли до уровня своихъ двухъ англійскихъ родоначальниковъ.

О томъ, какое вліяніе реакція, начавшаяся послѣ Великой революціи, оказала на развитіе наукъ, трудно было бы говорить въ этомъ очеркѣ. Достаточно будетъ сказать, что бо̀льшая часть того, чѣмъ гордится современная наука, была уже намѣчена, и болѣе чѣмъ намѣчена — высказана иногда въ опредѣленной научной формѣ, еще въ концѣ восемнадцатаго вѣка. Механическая теорія теплоты и неистребляемость движенія (сохраненіе энергіи), измѣняемость видовъ путемъ вліянія окружающей среды, физіологическая психологія, антропологическое пониманіе исторіи, религій и законодательствъ, законы развитія мышленія—однимъ словомъ, все механическое міросозерцаніе и синтетическая философія (философія, охватывающая всѣ физическія, химическія, жизненныя и общественныя явленія какъ одно цѣлое) были уже намѣчены и отчасти установлены въ прошломъ вѣкѣ.

Но съ наступившею реакціей въ продолженіе цѣлаго полувѣка этимъ открытіямъ не даютъ хода; ихъ держатъ подъ спудомъ. Ученые замалчиваютъ ихъ или объявляютъ „ненаучными". Подъ предлогомъ „изученія фактовъ" и „накопленія научнаго матеріала" даже такія точныя измѣренія, какъ опредѣленіе механической силы, потребной для полученія даннаго количества тепла (опредѣленіе Séguin'омъ и Joule'мъ механическаго эквивалента теплоты), отвергаются учеными. Англійская академія наукъ (Royal society) отказывается даже напечатать изслѣдованіе Джоуля, потому что „оно ненаучно". Замѣчательныя же работы Грове, сдѣланныя въ 1843 году надъ единствомъ физическихъ силъ, остаются вплоть до 1856 года безъ всякаго вниманія. Только знакомясь съ исторіею точныхъ наукъ за это пятидесятилѣтіе, можно понять густоту мрака, нависшаго тогда надъ Европою.

Завѣса была порвана сразу въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда въ Западной Европѣ началось то либеральное умственное движеніе, которое привело у насъ, въ Россіи, къ уничтоженію крѣпостного права, кнута и шпицрутеновъ, въ философіи низвергло Шеллинга и Гегеля, а въ жизни породило смѣлое отрицаніе умственнаго рабства и поклоненія передъ авторитетами и обычаемъ, извѣстное подъ именемъ нигилизма.

Любопытно замѣтить при этомъ, насколько соціалистическія ученія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, а также революція 1848 года помогли наукѣ сбросить съ себя путы, наложенныя на нее послѣ-революціонною реакціей. Не вдаваясь здѣсь въ подробности, достаточно сказать, что вышеупомянутый Сегэнъ и Огюстенъ Тьерри (историкъ, положившій начало изученію вѣчевого строя и федерализма) были сенъ-симонисты; что сподвижникъ Дарвина, А. Р. Уоллэсъ, былъ въ молодости горячій послѣдователь Роберта Оуэна; что Огюстъ Контъ былъ сенъ-симонистъ, а Рикардо и Бентамъ—оуэнисты, и что матеріалисты Карлъ Фохтъ и Льюисъ, а также Милль, Грове и Спенсеръ и многіе другіе пережили вліяніе освободительнаго радикально-соціалистическаго движенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Свою научную смѣлость они почерпнули изъ этого вліянія.

Одновременное появленіе трудовъ Грове, Джоуля, Бертело и Гельмгольца, Дарвина, Клода Бернара, Молешотта, Фохта, Ляйелля, Бэна, Милля и Бюрнуфа въ короткій пятилѣтній промежутокъ, 1856—1862 гг., въ корень измѣнило самыя основныя воззрѣнія науки. Наука сразу рванулась на новый путь. Цѣлыя новыя отрасли изслѣдованія создались съ по-

разительной быстротой. Наука о жизни (біологія), о человѣческихъ учрежденіяхъ (антропологія), о разумѣ, волѣ и страстяхъ (психологія), объ исторіи права и религій и такъ далѣе выросли на нашихъ глазахъ, поражая умъ смѣлостью своихъ обобщеній и дерзостью своихъ выводовъ. То, что въ прошломъ вѣкѣ было только геніальною догадкой, являлось теперь доказаннымъ вѣсами и микроскопомъ, провѣреннымъ на тысячахъ приложеній. Самая манера писать измѣнилась, и наука вернулась къ ясности, точности и красотѣ изложенія, которыя свойственны индуктивному методу и которыми отличались тѣ изъ мыслителей восемнадцатаго вѣка, кто порвалъ съ метафизикою.

Предсказать, по какому пути пойдетъ наука въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, конечно, невозможно. Покуда ученые будутъ зависѣть отъ богатыхъ людей и отъ правительствъ, они неизбѣжно будутъ подчиняться ихъ давленію. А потому они, конечно, могутъ опять на время затормозить развитіе знаній. Но несомнѣнно одно: въ наукѣ, какъ она складывается теперь, уже нѣтъ надобности ни въ гипотезѣ, въ которой не нуждался Лапласъ, ни въ метафизическихъ „словечкахъ", надъ которыми смѣялся Гёте. Книгу природы, книгу органической жизни и книгу развитія человѣчества уже можно читать, не прибѣгая ни къ силѣ творца, ни къ мистической „жизненной силѣ", ни къ безсмертной душѣ, ни къ Гегелевской трилогіи, ни къ одаренію отвлеченныхъ символовъ реальною жизнью. Явленія механическія въ своей постоянно-возрастающей сложности достаточны для объясненія природы и всей органической и общественной жизни.

Многое, очень многое въ мірѣ намъ еще неизвѣ-

стно, темно и непонятно; и такіе неясные для насъ пробѣлы будутъ открываться все новые и новые, по мѣрѣ того какъ старые будутъ заполняться. Но мы знаемъ и не видимъ возможности открытія какой-нибудь такой области, гдѣ бы тѣ простыя явленія, которыя мы наблюдаемъ при паденіи камня, при ударѣ двухъ бильярдныхъ шаровъ или при химическомъ измѣненіи—явленія механическія, оказались бы недостаточны для объясненія.

III.

Естественно, что, какъ только наука могла дойти до такихъ обобщеній, въ ней должна была зародиться мысль о синтетической философіи, то-есть о такой философіи, которая, не разсуждая болѣе о „сущностяхъ“, о „міровой идеѣ“, о „назначеніи жизни“ и тому подобныхъ символахъ и отказавшись отъ очеловѣченія природы (антропоморфизація), представила бы собою сводъ и объединеніе всѣхъ нашихъ знаній,— философіи, однимъ словомъ, которая, восходя отъ простого къ сложному, давала бы ключъ къ пониманію всей природы во всей ея жизни и тѣмъ самымъ дала бы орудіе и вѣрное средство изслѣдованія того, чего мы еще не знаемъ, и для открытія соотношеній (такъ называемыхъ законовъ), нами еще не открытыхъ, а также увѣренность въ справедливости нашихъ заключеній, какъ бы они ни расходились съ ходячими предразсудками.

Такія попытки синтетической философіи дѣлались нѣсколько разъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ; но наиболѣе широкое значеніе имѣютъ попытки Огюста Конта и Герберта Спенсера. На нихъ мы должны будемъ остановиться.

Какъ показалъ Вл. Соловьевъ въ прекрасной статьѣ объ Огюстѣ Контѣ (въ „Энциклопедическомъ словарѣ“), необходимость такой философіи была сознана еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ экономистомъ и мыслителемъ Тюрго и впослѣдствіи еще яснѣе—Сенъ-Симономъ. Мало того, какъ уже было замѣчено выше, къ осуществленію ея уже приступали энциклопедисты, а также и Вольтеръ въ своемъ „Философскомъ словарѣ“. Въ болѣе строгой, научной формѣ, которая удовлетворила бы требованіямъ точныхъ наукъ, за нее взялся теперь Контъ.

Что Контъ прекрасно выполнилъ свою задачу по отношенію къ точнымъ наукамъ, что онъ былъ правъ, введя науку о жизни вообще (біологію) и о человѣческихъ обществахъ (соціологію) въ кругъ наукъ, охватываемыхъ его позитивною философіей, и что, наконецъ, его философія оказала громадное вліяніе на всѣхъ ученыхъ и мыслящихъ людей девятнадцаго вѣка—хорошо извѣстно.

Но отчего же, спрашиваютъ себя всѣ изучающіе Конта, великій философъ оказался такъ слабъ, едва только взялся въ своей „Позитивной политикѣ“ за изученіе человѣческихъ учрежденій, особенно современныхъ? Какимъ образомъ могъ такой широкій, положительный умъ дойти до той религіи, которую Контъ проповѣдывалъ въ концѣ своей жизни? Литтре и Милль, какъ извѣстно, даже отказываются признать Контовскую „Политику“ за часть его философіи и считаютъ ее плодомъ ослабѣвавшаго уже ума; другіе же тщетно стараются отыскать единство метода въ обоихъ сочиненіяхъ.

А между тѣмъ противорѣчіе между обоими сочиненіями Конта въ высшей степени характерно и проливаетъ яркій свѣтъ на запросы нашего времени.

Когда Контъ закончилъ свой „Курсъ позитивной философіи“, онъ несомнѣнно долженъ былъ замѣтить, что его философія еще не коснулась самаго главнаго,—именно, происхожденія въ человѣкѣ нравственнаго начала и вліянія этого начала на человѣческую жизнь. Ему требовалось выяснить происхожденіе этого начала, объяснить его тѣми же явленіями, которыми онъ объяснялъ жизнь вообще, показать, почему человѣкъ чувствуетъ потребность повиноваться своему нравственному чувству или по крайней мѣрѣ считаться съ нимъ. Но на это у него не хватило ни знаній (въ то время когда онъ писалъ, — оно и понятно), ни смѣлости. Тогда онъ взялъ Бога, понимаемаго религіями какъ кумиръ, которому надо поклоняться и молиться, чтобы быть нравственнымъ, и на его мѣсто поставилъ Человѣчество, съ прописною буквой. Этому новому кумиру онъ велѣлъ молиться, чтобы развивать въ себѣ нравственное начало. Но разъ этотъ шагъ былъ сдѣланъ, разъ поклоненіе чему-то стоящему внѣ и выше личности было признано необходимымъ, для того чтобы удержать человѣка на нравственной стезѣ,—все остальное вытекало само собою. Даже обрядность Контовской религіи сложилась совершенно естественно, по образцу всѣхъ предшествовавшихъ положительныхъ религій.

Разъ Контъ не допустилъ, что все, что есть нравственнаго въ человѣкѣ, выросло изъ наблюденія природы и изъ самыхъ условій сожительства людей, разъ онъ не призналъ, что въ человѣкѣ нравственное начало такъ же прочно, какъ и вся остальная его организація, унаслѣдованная имъ изъ постепеннаго развитія (эволюціи), что нравственное начало въ человѣкѣ имѣетъ свое происхожденіе въ стадной

жизни животныхъ, предшествовавшихъ человѣку на землѣ и что, слѣдовательно, каковы бы ни были уклоненія отдѣльныхъ личностей, оно должно жить въ человѣчествѣ, пока родъ человѣческій не пойдетъ на вымираніе, а потому противонравственная дѣятельность отдѣльныхъ личностей неизбѣжно будетъ вызывать противодѣйствіе окружающихъ, какъ дѣйствіе вызываетъ противодѣйствіе въ физическомъ мірѣ,—разъ Контъ не понялъ этого, онъ вынужденъ былъ выдумать новый кумиръ—Человѣчество, чтобы этотъ кумиръ постоянно возвращалъ человѣка на нравственный путь.

Подобно Сенъ-Симону, Фурье и почти всѣмъ своимъ современникамъ, Контъ заплатилъ такимъ образомъ дань своему христіанскому воспитанію. Безъ борьбы дурного начала съ хорошимъ—при чемъ оба должны быть равносильны—и безъ обращенія человѣка съ молитвою къ хорошему началу за назиданіемъ и къ его земнымъ апостоламъ для укрѣпленія себя въ добрѣ — христіанство немыслимо. И Контъ, проникнутый съ дѣтства этою христіанскою идеей, вернулся къ ней, какъ только встрѣтился лицомъ къ лицу съ вопросомъ о нравственности и о средствахъ укрѣпленія ея въ сердцѣ человѣка.

IV.

Не надо забывать, что Контъ писалъ свою „Позитивную философію“ и „Позитивную политику“ задолго до тѣхъ годовъ, 1856—1862, которые, какъ уже говорилось выше, внезапно расширили кругозоръ науки и міросозерцаніе всякаго образованнаго человѣка.

Сочиненія, появившіяся въ эти пять-шесть лѣтъ, произвели такой полный переворотъ въ воззрѣніяхъ

на природу, на жизнь вообще и на жизнь человѣческихъ обществъ, которому нѣтъ равнаго во всей исторіи наукъ за двѣ съ лишнимъ тысячи лѣтъ. То, что смутно понималось, а иногда предчувствовалось энциклопедистами, то, что медленно вынашивалось нѣсколькими отборными умами въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка, явилось теперь во всеоружіи знанія,— и явилось оно съ такою полнотою, что всякій другой пріемъ изслѣдованія, кромѣ естественно-научнаго, сразу оказался несовершеннымъ, ложнымъ и ненужнымъ. Остановимся же еще на минуту на результатахъ, добытыхъ въ эти годы, чтобы вѣрнѣе оцѣнить слѣдующую попытку синтетической философіи, сдѣланную Гербертомъ Спенсеромъ.

Грове, Клаузіусъ, Гельмгольцъ, Джоуль и цѣлая фаланга физиковъ и астрономовъ, а также Кирхгофъ, открывшій спектральный анализъ и давшій намъ возможность узнавать, изъ какихъ тѣлъ состоятъ самыя отдаленныя отъ насъ звѣзды, сразу установили въ концѣ пятидесятыхъ годовъ единство природы во всемъ неорганическомъ мірѣ. Говорить о какихъ-то таинственныхъ, невѣсомыхъ жидкостяхъ — теплородной, магнитной, электрической — сразу стало невозможнымъ. Оказалось, что механическія движенія частичекъ, подобныя тѣмъ, которыя мы видимъ въ набѣгающихъ волнахъ моря или въ дрожаніи колокола и камертона, достаточны для объясненія всѣхъ явленій нагрѣванія, свѣта, электричества и магнетизма, что мы можемъ ихъ измѣрить, взвѣсить ихъ энергію. Мало того,— что въ самыхъ далекихъ отъ насъ небесныхъ тѣлахъ, гдѣ существуютъ тѣ же простыя тѣла, что и на землѣ, происходятъ тѣ же дрожанія и колебанія частичекъ, тѣ же движенія массъ,—сами массовыя дви-

женія небесныхъ тѣлъ, носящихся въ пространствѣ по закону всемірнаго тяготѣнія, представляютъ собою по всей вѣроятности не что иное, какъ результатъ этихъ свѣтовыхъ и электрическихъ дрожаній, передающихся за билліоны и трилліоны милліоновъ верстъ въ междузвѣздной міровой средѣ.

Тѣ же тепловыя и электрическія дрожанія частичекъ вещества оказались достаточными для объясненія химическихъ явленій. А сама жизнь растеній и животныхъ, въ ея безконечно-разнообразныхъ проявленіяхъ, оказалась не чѣмъ инымъ, какъ обмѣномъ частичекъ въ томъ обширномъ ряду очень сложныхъ, а потому и легко-разлагающихся, легко-перестраиваемыхъ химическихъ соединеній, изъ которыхъ слагаются живыя ткани во всѣхъ живыхъ существахъ.

Затѣмъ уже въ тѣ же годы было понято, а за послѣднія десять лѣтъ было тщательно изслѣдовано, какимъ образомъ жизнь клѣточекъ нервной системы и ихъ способность передавать раздраженіе отъ одной къ другой даютъ механическое объясненіе нервной жизни животныхъ. Благодаря этимъ изслѣдованіямъ, мы можемъ теперь, не выходя изъ области чисто физіологическихъ наблюденій, понять запечатлѣвающіеся въ мозгу впечатлѣнія и образы, ихъ взаимныя вліянія, ассоціацію идей (всякое впечатлѣніе вызываетъ раньше накопленныя впечатлѣнія), а слѣдовательно—и мышленіе.

Многое остается еще сдѣлать и открыть въ этой области; наука, едва освободившаяся отъ давившей ее прежде метафизики, только теперь начинаетъ разрабатывать обширную область физической психологіи; но начало сдѣлано—твердое основаніе уже положено для дальнѣйшихъ работъ. Старинное дѣленіе,

которое пытался установить германскій философъ Кантъ, на двѣ области, подлежащія одна изслѣдованію „въ пространствѣ и во времени" (міръ физическихъ явленій), а другая „только во времени" (міръ душевныхъ явленій), падаетъ теперь само собой. И на вопросъ, который задавалъ какъ-то Сѣченовъ, „Кому и какъ изучать психологію?" наука уже дала отвѣтъ: „физіологіи, физіологическимъ методомъ". И, дѣйствительно, новѣйшія работы физіологовъ уже успѣли пролить несравненно болѣе свѣта, чѣмъ всѣ тонкія разсужденія метафизиковъ, на механизмъ мышленія, на возбужденіе впечатлѣній, на закрѣпленіе и передачу ихъ,—словомъ, на всѣ психологическіе процессы.

И въ этомъ главномъ своемъ оплотѣ метафизика была побита; областью, въ которой она считала себя непобѣдимой, завладѣли естественныя науки и матеріалистическая философія, и онѣ двигаютъ знаніе въ этой области несравненно быстрѣе, чѣмъ столѣтія метафизическихъ измышленій.

Въ тѣ же годы явилось, однако, еще одно изслѣдованіе—книга Дарвина „О происхожденіи видовъ", затмившая всѣ остальныя.

Еще въ прошломъ столѣтіи Бюффонъ (повидимому, даже Линней), а на рубежѣ двухъ столѣтій Ламаркъ рѣшились высказать, что виды растеній и животныхъ не представляютъ неподвижныхъ формъ, что они измѣнчивы и постоянно измѣняются. Само семейное сходство между группами видовъ указываетъ, говорили они, на ихъ общее происхожденіе отъ общихъ прародителей. Такъ, напримѣръ, различные виды луговыхъ, водныхъ и всѣхъ другихъ лютиковъ, которые мы видимъ въ нашихъ лугахъ и болотахъ, должны были произойти когда-то, вслѣдствіе вліянія

внѣшнихъ условій, отъ одного типа общихъ прародителей. Теперешнія породы волковъ, собакъ, шакаловъ и лисицъ въ былыя, отдаленныя времена еще не существовали, а была вмѣсто нихъ такая порода звѣрей, изъ которой съ теченіемъ времени въ разныхъ условіяхъ произошли и волки, и собаки, и шакалы, и лисицы.

Но въ восемнадцатомъ вѣкѣ такія ереси приходилось высказывать съ опаской. Церковь въ то время была очень сильна, и естествоиспытателю за такія еретическія воззрѣнія грозили тюрьма, пытка или сумасшедшій домъ. „Еретики" и выражались тогда съ осторожностью. Теперь-же Дарвинъ и Уоллесъ смѣло выступили съ такой же ересью, а Дарвинъ прямо рѣшился заявить, что и человѣкъ тоже произошелъ тѣмъ же путемъ медленнаго физіологическаго развитія изъ низшихъ породъ обезьяно-подобныхъ животныхъ, что его „безсмертный духъ" и „нравственная душа" выработались тѣмъ же путемъ, что и умъ и нравственныя привычки муравья или шимпанзе.

Извѣстно, какіе громы посыпались тогда на Дарвина и въ особенности на его смѣлаго, умнаго и знающаго апостола Гексли, который рѣзко подчеркивалъ именно тѣ выводы изъ трудовъ Дарвина, которые болѣе всего страшили духовенство всѣхъ религій. Борьба была жестокая, но верхъ одержали однако дарвинисты. Результатомъ было то, что на нашихъ глазахъ выросла цѣлая новая, обширнѣйшая наука, біологія,—наука о жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ труды Дарвина дали новый ключъ къ пониманію всѣхъ явленій физическихъ, жизненныхъ и общественныхъ. Они открыли новый путь для ихъ изслѣдованія. Мысль о постепенномъ развитіи

(эволюціи) и о постепенномъ приспособленіи къ измѣнявшимся условіямъ нашла несравненно болѣе широкое приложеніе, чѣмъ происхожденіе видовъ. Внесенная въ изученіе всей природы, а также людей и ихъ общественныхъ учрежденій, она открыла совершенно невѣдомые горизонты и дала возможность объяснить самые непонятные факты во всѣхъ областяхъ знанія.

Этимъ путемъ создалась не только біологія, которая въ рукахъ Спенсера показала намъ, какъ могли выработаться и вырабатываются безчисленныя формы живыхъ существъ, населяющихъ земной шаръ, а Геккелю позволила набросать и первую попытку родословной всѣхъ животныхъ, въ томъ числѣ и человѣка. Этимъ же путемъ удалось положить также твердое основаніе для исторіи развитія человѣческихъ обычаевъ, нравовъ, повѣрій и учрежденій, котораго не хватало восемнадцатому вѣку и Конту. Эту исторію можно теперь писать, не прибѣгая ни къ врожденнымъ идеямъ и „внушеніямъ“ извнѣ, ни къ кантовскимъ „сущностямъ“,—словомъ, ни къ одной изъ мертвящихъ изученіе формулъ, за которыми, кутаясь въ слова, какъ въ облака, скрывалось все то же старинное суевѣріе и незнаніе.

Благодаря трудамъ натуралистовъ, съ одной стороны, а съ другой стороны—Мэна (Henry Maine) и его послѣдователей, которые приложили тотъ же индуктивный методъ къ изученію первобытныхъ обычаевъ и вырабатывавшихся изъ нихъ законовъ,—благодаря имъ, исторія возникновенія и развитія человѣческихъ учрежденій могла быть поставлена за послѣдніе годы на такую же твердую основу, какъ и исторія развитія любого вида растеній или животныхъ.

Конечно, было бы въ высшей степени несправедливо

забывать ту громадную работу, которая была сдѣлана уже раньше—еще въ тридцатыхъ годахъ—для разработки исторіи учрежденій школою Огюстена Тьери во Франціи, школою Маурера и германистовъ въ Германіи, а у насъ, въ Россіи, нѣсколько позднѣе, Костомаровымъ, Бѣляевымъ и другими. Методъ эволюціи прилагался къ изученію нравовъ и установленій, а также и языковъ уже со времени энциклопедистовъ. Но получить правильные, научные выводы изъ всей этой массы работъ стало возможно только тогда, когда на установленные факты ученые могли взглянуть такъ, какъ естествоиспытатель глядитъ на постепенное развитіе органовъ растенія или новаго вида.

Метафизическія формулы помогали въ свое время дѣлать нѣкоторыя приблизительныя обобщенія. Въ особенности онѣ будили сонную мысль, тревожа ее неясными намеками на единство и жизнь природы. Въ такое время, когда индуктивныя обобщенія энциклопедистовъ и ихъ англійскихъ предшественниковъ начали забываться (въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка), а чтобы говорить о единствѣ физической и духовной природы требовалось нѣкоторое гражданское мужество,—туманная метафизика все-таки поддерживала стремленіе къ обобщеніямъ. Но ея обобщенія устанавливались либо діалектическимъ методомъ, либо полу-сознательнымъ индуктивнымъ и потому какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ отличались отчаянною неопредѣленностью. Первыя выводились на основаніи, въ сущности, весьма немудрыхъ умозаключеній, подобно тому какъ нѣкоторые греки доказывали въ древности, что планеты должны двигаться по кругамъ, потому что кругъ—самая совершенная кривая; а затѣмъ бѣдность обоснованія прикрывалась

туманнымъ и неуклюжимъ изложеніемъ. Вторыя же строились на весьма ограниченномъ кругѣ наблюденій, подобно надѣлавшимъ недавно нѣкоторый шумъ широкимъ, но не обоснованнымъ заключеніямъ Вейсмана. Затѣмъ, вслѣдствіе того, что индукція была въ этомъ случаѣ несознательная, они выдавались за неоспоримые законы, тогда какъ на дѣлѣ они были простыя предположенія — гипотезы, зачаточныя обобщенія, нуждавшіяся прежде всего въ фактической, индуктивной провѣркѣ. Наконецъ, всѣ эти широкія обобщенія, будучи высказаны въ крайне отвлеченной формѣ,—какъ, напримѣръ, Гегелевскій „тезисъ, антитезисъ и синтезисъ“,— давали мѣсто полному произволу въ конкретныхъ выводахъ, такъ что изъ нихъ можно было выводить—и выводили— бакунинскій революціонный духъ съ дрезденскою революціей, революціонный якобинизмъ Маркса и „разумность существующаго“, приведшую Бѣлинскаго къ прославленію „Бородинской Годовщины“ Пушкина, не говоря уже о недавнихъ заблужденіяхъ такъ называемаго русскаго марксизма.

V.

Съ тѣхъ поръ какъ антропологію—то-есть исторію физіологическаго развитія человѣка и исторію развитія его религій и экономическихъ учрежденій—начали изучать точно такъ же, какъ изучаются всѣ остальныя естественныя науки, оказалось возможнымъ не только пролить новый яркій свѣтъ на эту исторію, но и отрѣшиться навсегда отъ метафизики, которая точно такъ же мѣшала этому изученію, какъ библейскія преданія мѣшали сто лѣтъ тому назадъ изученію исторіи земного шара—геологіи.

Казалось бы поэтому, что, когда за построеніе синтетической философіи снова взялся Гербертъ Спенсеръ, вооруженный новѣйшими завоеваніями науки, онъ могъ бы построить свою философію, не впадая въ ошибки, въ которыя впалъ Контъ въ своей „Позитивной политикѣ". А между тѣмъ синтетическая философія Спенсера, хотя и представляетъ громадный шагъ впередъ — въ ней уже нѣтъ мѣста религіи и обряду, — тѣмъ не менѣе такъ же полна крупныхъ ошибокъ въ своей соціологической части, какъ и первая.

Дѣло въ томъ, что, дойдя до психологіи обществъ, Спенсеръ не выдержалъ своего строго-научнаго метода и не рѣшился признать всѣхъ выводовъ, къ которымъ онъ его приводилъ. Такъ, напримѣръ, Спенсеръ признаетъ, что земля не должна становиться собственностью отдѣльныхъ лицъ, которыя, пользуясь своимъ правомъ повышать арендную плату, мѣшаютъ другимъ извлекать изъ нея все, что можно извлечь при усовершенствованной обработкѣ, или даже просто держать ее втунѣ, въ ожиданіи, что ея рыночная цѣна будетъ повышена трудомъ другихъ. Такой порядокъ, какъ онъ находитъ, невыгоденъ для общества и полонъ для него опасностей. Но, признавая это относительно земли, онъ не рѣшился, однако, распространить то же заключеніе на всѣ прочія накопленныя богатства — на рудники, гавани и фабрики.

Или же, возставая противъ вмѣшательства государства въ жизнь общества и давая одной изъ своихъ книгъ заглавіе, равносильное революціонной программѣ: „Личность противъ государства", — онъ мало-по-малу подъ предлогомъ охранительной дѣятельности государства кончилъ тѣмъ, что возстановилъ государ-

ство въ цѣлости, какъ оно есть теперь, слегка ограничивая его.

Объясняются эти и другія противорѣчія, вѣроятно, тѣмъ, что соціологическая часть философіи сложилась въ умѣ Спенсера (подъ вліяніемъ англійскихъ радикаловъ) гораздо раньше, чѣмъ ея естественно-научная часть, а именно до 1851 года, когда антропологическое изслѣдованіе человѣческихъ учрежденій еще было только въ зачаткѣ. Вслѣдствіе этого Спенсеръ, какъ и Контъ, не взялся за изслѣдованіе этихъ учрежденій самихъ по себѣ, безъ заранѣе построенныхъ заключеній. Мало того, какъ только онъ подошелъ къ философіи общественной—къ соціологіи, онъ сталъ пользоваться новымъ пріемомъ, самымъ ненадежнымъ,—пріемомъ сходствъ (методомъ аналогій), который, конечно, не былъ ему нуженъ при изученіи физическихъ явленій. Этотъ методъ позволилъ ему оправдать цѣлый рядъ предвзятыхъ заключеній. Синтетической философіи, построенной какъ въ своей естественно-научной, такъ и въ общественной части по тому же научному методу, до сихъ поръ, стало-быть, еще не имѣется.

Затѣмъ Спенсеръ—самый неподходящій человѣкъ для изученія первобытныхъ учрежденій. Въ этомъ отношеніи онъ выдается даже среди британцевъ, которымъ вообще мало понятенъ чужой строй жизни.— „Мы—люди римскаго права, а ирландцы—люди обычнаго права: оттого мы и не понимаемъ другъ-друга“, замѣтилъ мнѣ однажды очень умный и знающій англичанинъ. Такимъ непониманіемъ полна исторія отношеній англичанъ къ покоряемымъ ими „низшимъ расамъ“. И оно на каждомъ шагу проглядываетъ у Спенсера. Онъ совершенно неспособенъ понять дикаря,

или „кровомстителя“ исландской саги, или бурную, полную борьбы жизнь средневѣковыхъ городовъ. Ихъ правовыя понятія ему совершенно чужды, и онъ видитъ въ нихъ одну „дикость“, одно „варварство,“ одну „жестокость“.

Наконецъ,—что еще важнѣе,—подобно Гексли и многимъ другимъ, онъ совершенно неправильно понялъ смыслъ „борьбы за существованіе“. Онъ увидѣлъ въ ней не только борьбу между разными видами животныхъ (волки поѣдаютъ зайцевъ, многія птицы кормятся насѣкомыми и такъ далѣе), но и отчаянную борьбу изъ-за пищи, изъ-за мѣста на землѣ, внутри каждаго вида, между различными его особями—борьбу, которая не существуетъ на дѣлѣ въ воображаемыхъ имъ размѣрахъ.

Насколько самъ Дарвинъ виноватъ въ такомъ непониманіи борьбы за существованіе, не мѣсто разбирать здѣсь. Но несомнѣнно то, что, когда Дарвинъ издалъ, двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ „Происхожденія видовъ“, свое „Происхожденіе человѣка“, онъ уже совсѣмъ иначе понималъ борьбу за жизнь. „Тѣ животные виды, — писалъ онъ въ этомъ послѣднемъ сочиненіи,— среди которыхъ наиболѣе развиты чувства взаимной симпатіи и общественности, имѣютъ наибольшіе шансы сохранить свое существованіе и оставить по себѣ многочисленное потомство“. Глава, посвященная Дарвиномъ этому предмету, могла бы стать основаніемъ совершенно иного и чрезвычайно плодотворнаго взгляда на природу и на развитіе человѣческихъ обществъ (значеніе котораго провидѣлъ уже Гёте). Но она прошла незамѣченною. Только въ 1879 году находимъ мы въ одной рѣчи русскаго зоолога Кесслера ясное пониманіе взаимной помощи и борьбы

за жизнь. „Для прогрессивнаго развитія вида,—указалъ онъ, ссылаясь на нѣсколько примѣровъ,—*законъ взаимной помощи* имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ законъ взаимной борьбы“. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ Бюхнеръ выступилъ со своею книгою „Любовь“, въ которой показалъ значеніе симпатіи среди животныхъ для развитія нравственныхъ понятій; но при этомъ, введя любовь, симпатію, онъ напрасно ограничилъ самъ свой кругъ изслѣдованія. Доказать и развить замѣчательное положеніе Кесслера, распространивъ его на человѣка, оказалось нетрудно, если обратиться къ точнымъ наблюденіямъ природы и къ нынѣ развивающейся исторіи учрежденій. Взаимная помощь дѣйствительно является не только самымъ могучимъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе противъ враждебныхъ виду силъ природы и другихъ враговъ, но и орудіемъ прогрессивнаго развитія. Самымъ слабымъ животнымъ она обезпечиваетъ долголѣтіе (а слѣдовательно, и накопленіе умственнаго опыта), размноженіе и умственный прогрессъ. И тѣ животные виды, которые наиболѣе практикуютъ взаимную помощь, не только лучше выживаютъ, но и стоятъ во главѣ своего класса (насѣкомыхъ, птицъ, млекопитающихъ) по совершенству физическаго и умственнаго развитія.

Этого основного факта природы Спенсеръ не замѣтилъ. Борьбу за существованіе внутри каждаго вида, отбиваніе другъ у друга всякаго куска пищи „когтемъ и зубомъ“, теннисоновскую „природу, обагренную кровью гладіаторовъ“—онъ призналъ фактомъ, не требующимъ доказательствъ, аксіомою. Только въ самые послѣдніе годы сталъ онъ понимать до нѣкоторой степени значеніе взаимной помощи въ животномъ мірѣ и сталъ собирать наблюденія и опыты

въ этомъ направленіи. Но даже и теперь первобытный человѣкъ остался для него воображаемымъ звѣремъ, который только тѣмъ и жилъ, что рвалъ когтемъ и зубомъ послѣдній кусокъ мяса изо рта своего сородича.

Понятно, что, положивши въ основаніе соціологической части своей философіи такую ложную посылку, Спенсеръ уже не могъ создать общественную часть синтетической философіи, не впавши въ рядъ заблужденій.

VI.

Въ этихъ заблужденіяхъ Спенсеръ не стоитъ, впрочемъ, особнякомъ. Взглядъ на первобытныхъ людей, какъ на кучу живущихъ врозь звѣрей, дерущихся изъ-за пищи и женъ, до тѣхъ поръ пока среди нихъ не явилось благодѣтельное начальство, проходитъ, съ легкой руки Гоббса, черезъ всю философію девятнадцатаго вѣка. Даже такой естествоиспытатель, какъ Гексли, развивалъ все то же утвержденіе Гоббса, что вначалѣ люди жили, борясь „каждый противъ всѣхъ“, пока, наконецъ, благодаря нѣсколькимъ передовымъ людямъ своего времени не создалось „первое общество“ (см. его статью „Борьба за существованіе—законъ природы“). Даже Гексли, слѣдовательно, не замѣчалъ, что не человѣкъ создалъ общество, а что общественная жизнь существовала у животныхъ гораздо раньше появленія человѣка. Такова сила укоренившагося предразсудка.

Если же прослѣдить исторію этого предразсудка, то нетрудно убѣдиться, что происхожденіе его—церковно-религіозное. Тайные союзы колдуновъ и шамановъ среди первобытныхъ людей, а впослѣдствіи египетскіе жрецы и христіанскіе священники, всегда увѣряли людей, что они «во злѣ лежатъ», и что только

заступничество шамана, жреца, священника не даетъ злой силѣ овладѣть человѣкомъ или можетъ умолить мстительнаго Бога, чтобъ онъ не насылалъ на человѣчество своихъ каръ за грѣхи. Первобытное христіанство слабо пыталось подорвать этотъ предразсудокъ; но христіанская церковь, ссылаясь на слова самихъ же евангелій о „геенѣ огненной“ и „гнѣвѣ Божіемъ“, еще болѣе усиляла его. Само понятіе о Богѣ-Сынѣ, пришедшемъ умереть „во искупленіе грѣховъ“, служило основою этому взгляду. Недаромъ впослѣдствіи Святая инквизиція предавала людей самымъ жестокимъ пыткамъ и медленно жгла ихъ на кострахъ, чтобы дать имъ случай раскаяться и спасти себя отъ вѣчныхъ мукъ. И не одна католическая церковь, но и всѣ другія христіанскія церкви соперничали въ изобрѣтеніи всякихъ мукъ, чтобы исправить „погрязшихъ во злѣ людей“. До сихъ поръ еще девятьсотъ девяносто девять тысячныхъ людей вѣрятъ, что естественныя невзгоды—засухи, ливни, землетрясенія и повальныя болѣзни — насылаются божествомъ, чтобъ обратить грѣшный родъ людской на правый путь. Въ этой вѣрѣ по сію пору растетъ громадное большинство нашихъ дѣтей.

Рядомъ съ этимъ государство въ своихъ школахъ и университетахъ поддерживаетъ ту же вѣру въ коренную испорченность человѣка. Доказать необходимость какой-то силы, стоящей превыше общества и развивающей въ немъ нравственное начало при помощи наказаній, налагаемыхъ за нарушеніе „нравственнаго закона“ (съ которымъ отождествляютъ при помощи ловкой передержки писанный законъ), утвердить людей въ этой вѣрѣ — вопросъ жизни для государства. Если люди усомнятся въ необходимости

такого насажденія нравственности, они усомнятся и въ верховной миссіи своихъ правителей.

Такимъ образомъ все—и религіозное, и историческое, и правовое и общественное наше воспитаніе—пропитано мыслью, что человѣкъ, предоставленный самому себѣ, сталъ бы звѣремъ; не будь надъ ними власти, люди загрызли бы другъ друга; кромѣ звѣрства и войны каждаго противъ всѣхъ, ничего нельзя ждать отъ „толпы"; она пропала бы, если бы надъ нею не стояли избранники, соль земли—урядникъ, исправникъ, палачъ, которые мѣшаютъ этой всеобщей свалкѣ всѣхъ со всѣми, воспитываютъ людей въ уваженіи святости закона, учатъ ихъ дисциплинѣ и ведутъ ихъ мудрою рукой къ тому времени, когда лучшія понятія совьютъ себѣ гнѣздо въ „грубыхъ сердцахъ людей" и сдѣлаютъ кнутъ, тюрьму и висѣлицу менѣе нужными, чѣмъ теперь.

Мы смѣемся надъ какимъ-то королемъ, который, уѣзжая въ изгнаніе въ 1848 году, говорилъ: „Бѣдные мои подданные, пропадутъ они безъ меня". Мы потѣшаемся надъ англійскимъ приказчикомъ, который вѣритъ, что англичане — затерявшееся колѣно Израилево, самимъ Богомъ предназначенное для того, чтобы дать хорошее правительство „всѣмъ другимъ, низшимъ расамъ". Но не того же ли мнѣнія о своемъ высокомъ назначеніи держится громаднѣйшее большинство кое-чему учившихся людей среди всѣхъ націй?

А между тѣмъ научное изученіе развитія человѣческихъ обществъ и учрежденій приводитъ къ совершенно другому выводу. Оно показываетъ, что обычаи, установлявшіеся для взаимной поддержки и защиты и для охраны мира,—обычаи, которые и дали возможность человѣчеству выжить въ борьбѣ за существованіе среди очень тяжелыхъ природныхъ усло-

вій, вырабатывались именно безыменною „толпой“. Оно убѣждаетъ насъ, что такъ-называемые руководители человѣчества ничего не внесли въ исторію, что не было бы раньше выработано обычнымъ правомъ, и что они всегда стремились къ одному— либо разрушить эти правовыя учрежденія,либо поработить ихъ себѣ на пользу.

Уже въ самой глубокой древности, которая теряется во мракѣ ледниковаго періода, люди жили обществами. И въ этихъ обществахъ выработана была цѣлая сѣть обычаевъ и свято уважавшихся учрежденій родового строя, которыя и дѣлали общественную жизнь возможною. Черезъ всѣ послѣдующія ступени развитія проходитъ именно эта творческая сила невѣдомой толпы, которая вырабатывала новыя формы жизни и новыя формы для взаимной поддержки и охраненія мира, по мѣрѣ того какъ возникали новыя условія.

Съ другой стороны, современная наука доказала до очевидности, что законъ – возвѣщался ли онъ, какъ голосъ божества, или же шелъ отъ премудрости законодателя — ничего иного никогда не дѣлалъ, какъ только заковывалъ существовавшіе уже полезные обычаи въ неизмѣнную, закристаллизованную форму. Но, дѣлая это, онъ тутъ же примѣшивалъ къ полезнымъ и общепризнаннымъ обычаямъ нѣсколько новыхъ правилъ,—въ интересѣ богатыхъ, драчливыхъ и вооруженныхъ людей. „Не убій,—говорилъ законъ Моисеевъ, — не украдь, не будь лжесвидѣтелемъ“ и тутъ же прибавлялъ къ этимъ прекраснымъ наставленіямъ: „не пожелай жены ближняго твоего, ни раба его, ни осла его“ — и этимъ самымъ навѣки узаконялъ рабство, а женщину приравнивалъ къ рабу и вьючному животному.

„Люби твоего ближняго“, говорило позднѣе христіанство, но тутъ же прибавляло устами апостола Павла: „рабы да повинуются господамъ своимъ“ и „нѣсть власти аще не отъ Бога“, узаконяя тѣмъ самымъ дѣленіе общества на рабовъ и господъ и освящая власть негодяевъ, царившихъ въ Римѣ.

То же мы видимъ въ законахъ такъ называемыхъ „варваровъ“, то-есть галловъ, лонгобардовъ, аллемановъ, саксовъ, освободившихся отъ римскаго ига („Русская Правда“ Ярослава принадлежитъ къ тому же кругу законовъ). Они узаконяли безспорно прекрасный обычай, утверждавшійся въ то время: обычай платить виру за членовредительство и убійство, вмѣсто того чтобы практиковать законъ возмездія (око за око, зубъ за зубъ, рана за рану, смерть за смерть). Но тутъ же они узаконяли и увѣковѣчивали едва намѣчавшееся тогда раздѣленіе вольныхъ людей на классы. „Такая-то вира, — говорили они, — за раба, такая-то за вольнаго человѣка, такая-то за дружинника и такая-то (равносильная вѣчному рабству) за князя“. Первоначальная мысль была, конечно, та, что семья князя, терявшая больше, лишаясь своего главы, чѣмъ семья обыкновеннаго вольнаго человѣка, должна получить большее вознагражденіе. Но законъ, изложивши обычай, узаконялъ навѣки вѣчное дѣленіе людей на классы и узаконялъ его такъ, что до сихъ поръ, тысячу лѣтъ спустя, мы еще отъ него не отдѣлались.

И такъ это шло черезъ все законодательство всѣхъ вѣковъ, при чемъ насиліе предыдущей эпохи переходило черезъ законъ въ новое общество, создававшееся на развалинахъ стараго: насиліе Персидскаго царства переходило въ Грецію; насиліе Македонскаго

царства—въ Римъ; насиліе и жестокость Римской имперіи—въ средневѣковыя, только-что возникавшія средне-европейскія государства.

Всѣ общественныя гарантіи, вся внутренняя жизнь рода, общины и раннихъ средневѣковыхъ народоправствъ (республикъ-городовъ); всѣ формы междуродовыхъ, а впослѣдствіи между-городскихъ отношеній, изъ которыхъ позже выработалось международное право; всѣ формы взаимной поддержки и внутренней охраны мира, включая и судъ,—были выработаны *народнымъ безыменнымъ творчествомъ*. Тогда какъ всѣ *законы*, писавшіеся во всѣ вѣка, вплоть до нашего времени, слагались изъ тѣхъ же двухъ элементовъ: одинъ закрѣплялъ (и заковывалъ) формы жизни, всѣми признанныя полезными; другой же былъ приставкой, иногда даже только формулировкой хитраго свойства, имѣвшей цѣлью насадить и укрѣпить нарождавшуюся власть боярина, воина, князя и священника—усилить и освятить ее.

Къ этому по крайней мѣрѣ приводитъ научное изученіе развитія человѣческихъ обществъ, надъ которымъ работало за послѣднія двадцать или тридцать лѣтъ не мало добросовѣстныхъ ученыхъ. Правда, сами они не рѣшались высказывать въ опредѣленной формѣ такія еретическія заключенія, какъ выше приведенное. Но къ нему неизбѣжно приходитъ вдумчивый читатель, знакомясь съ ихъ работами.

VII.

Какое же положеніе занимаетъ анархизмъ въ великомъ умственномъ движеніи девятнадцатаго вѣка?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти уже намѣчается

всѣмъ вышесказаннымъ. Анархизмъ представляетъ собою міросозерцаніе, основанное на современномъ механическомъ пониманіи явленій и охватывающее всю природу, включая въ нее жизнь человѣческихъ обществъ и ихъ экономическія, политическія и нравственныя задачи. Его методъ изслѣдованія—методъ точныхъ естественныхъ наукъ: имъ должно быть провѣрено всякое научное заключеніе. Его стремленіе—создать синтетическую философію, охватывающую всѣ явленія природы, слѣдовательно, и жизнь обществъ, не впадая однако въ ошибки, въ которыя впали Контъ и Спенсеръ по вышеуказаннымъ причинамъ.

Естественно, поэтому что по большинству вопросовъ жизни анархизмъ даетъ иные отвѣты и занимаетъ иное положеніе, чѣмъ всѣ политическія, а также отчасти и соціалистическія партіи, которыя еще не разстались съ прежними метафизическими фикціями.

Конечно, выработка полнаго механическаго міросозерцанія едва только начата въ его соціалистической части, касающейся жизни и развитія обществъ; но то немногое, что уже сдѣлано, несомнѣнно носитъ на себѣ, иногда, впрочемъ, еще не вполнѣ сознательно, указанный характеръ. Въ области философіи права, въ теоріи нравственности, въ политической экономіи, въ исторіи народовъ и въ исторіи общественныхъ учрежденій анархизмъ уже показалъ, что онъ не будетъ довольствоваться метафизическими заключеніями, а будетъ искать естественно-научной основы. Онъ отказывается отъ метафизики Гегеля, Шеллинга и Канта, отъ комментаторовъ римскаго и каноническаго права, отъ теоретиковъ государственнаго права, отъ метафизической политической эко-

номіи и старается отдать себѣ ясный отчетъ обо всѣхъ вопросахъ, поднятыхъ въ этихъ областяхъ знанія, на основаніи тѣхъ многочисленныхъ работъ, которыя были сдѣланы за послѣднія тридцать или сорокъ лѣтъ съ точки зрѣнія естествоиспытателя.

Подобно тому какъ метафизическія представленія о Всемірномъ Духѣ, о творческой силѣ Природы, о любовномъ притяженіи Вещества, о воплощеніи Идеи, о Цѣли природы, о Непознаваемомъ, о Человѣчествѣ, понятомъ въ смыслѣ одухотвореннаго Бытія, и такъ далѣе—отвергаются нынѣ матеріалистическою философіей, а зачаточныя обобщенія, которыя скрывались подъ этими туманными словами, переводятся на вещественный (конкретный) языкъ фактовъ,—такъ точно поступаемъ и мы, когда подходитъ къ фактамъ общественной жизни.

Когда метафизики естествознанія стараются увѣрить естественника, что духовная жизнь человѣка развивается по какимъ-то „имманентнымъ законамъ Духа", онъ пожимаетъ плечами и продолжаетъ свое физіологическое изученіе жизненныхъ, умственныхъ и чувственныхъ явленій, съ цѣлью показать, что всѣ они сводятся на химическіе и физическіе процессы. Онъ старается открыть ихъ естественно-научные законы. Точно также когда анархистамъ говорятъ, напримѣръ, что всякое развитіе состоитъ изъ Тезиса, Антитезиса и Синтезиса, или что «Право имѣетъ цѣлью водвореніе Справедливости, которая представляетъ овеществленіе Верховной Идеи», или когда ихъ спрашиваютъ, какая же по ихнему «Цѣль Жизни», — они тоже только пожимаютъ плечами и дивятся, какъ это могли среди теперешняго расцвѣта точныхъ наукъ сохраниться люди, продолжающіе

вѣрить въ подобныя „словеса“ и все еще выражающіеся на языкѣ первобытнаго антропоморфизма (представленія природы въ видѣ чего-то управляемаго человѣкоподобнымъ существомъ). Громкія слова ихъ не устрашаютъ, потому что они знаютъ, что такими словами просто прикрывается либо незнаніе — незаконченное изслѣдованіе, либо, что еще хуже, простое суевѣріе. Поэтому они проходятъ мимо и продолжаютъ свое изученіе современныхъ и прошлыхъ общественныхъ понятій и учрежденій, при чемъ они, конечно, находятъ, что развитіе общественной жизни несравненно сложнѣе и несравненно интереснѣе для практическихъ цѣлей, чѣмъ оно выходитъ изъ подобныхъ формулъ.

Мы много слышали за послѣднее время о „діалектическомъ методѣ“, который рекомендовался для обоснованія соціалистическаго идеала. Мы такого метода не признаемъ, какъ его не признаетъ и все современное естествознаніе. Современному естествоиспытателю „діалектическій методъ“ напоминаетъ о чемъ-то давно прошедшемъ, давно пережитомъ наукой; открытія девятнадцатаго вѣка въ механикѣ, физикѣ, химіи, біологіи, физической психологіи, антропологіи и такъ далѣе были сдѣланы не діалектическимъ методомъ, а методомъ естественно-научнымъ, индуктивно-дедуктивнымъ. А такъ какъ человѣкъ — часть природы и такъ какъ его „духовная“ жизнь какъ личная, такъ и общественная — такое же явленіе природы, какъ и ростъ цвѣтка или умственное развитіе муравья и его общественной жизни, то нѣтъ причины мѣнять методъ изслѣдованія, когда мы переходимъ отъ цвѣтка къ человѣку или отъ поселенія бобровъ къ человѣческому городу.

Естественно-научный методъ доказалъ свою силу тѣмъ, что девятнадцатый вѣкъ, приложившій его, двинулъ науку болѣе, чѣмъ два предыдущія тысячелѣтія. И когда его стали прилагать къ изученію человѣческихъ обществъ, то нигдѣ еще не нашли такой точки, гдѣ бы пришлось его отбросить и вернуться къ средневѣковой схоластикѣ, которая только тормозила науку; мало того, когда, напримѣръ, буржуазные естествоиспытатели, основываясь якобы на „дарвинизмѣ“, стали проповѣдывать: „дави всѣхъ, кто слабѣе тебя: таковъ законъ природы“, то намъ легко было доказать, что никакого такого закона не существуетъ; что жизнь животныхъ учитъ насъ совершенно другому, и что подобное заключеніе—просто-напросто ненаучно, такъ же ненаучно, какъ, напримѣръ, утвержденіе, гласящее, что неравенство имуществъ—законъ природы или что капитализмъ—самая выгодная для людей форма общежитія. Именно естественно-научный методъ и даетъ возможность доказать, что „законы“ буржуазныхъ общественныхъ наукъ, въ томъ числѣ и политической экономіи, вовсе не законы, а простыя догадки или голословныя утвержденія, ничѣмъ не провѣренныя.

Еще одно. Всякое изслѣдованіе тогда только бываетъ плодотворно, когда оно имѣетъ опредѣленную цѣль, когда оно предпринято, чтобы получить отвѣтъ на опредѣленный, точно поставленный вопросъ. И оно бываетъ тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ яснѣе и прямѣе связь между даннымъ изучаемымъ вопросомъ и его положеніемъ въ схемѣ общаго, широкаго міросозерцанія. Вопросъ, который ставитъ себѣ анархизмъ, можетъ быть выраженъ такъ: „Какія формы общежитія содѣйствуютъ этой суммѣ счастья, а слѣдовательно, и

жизненности?"—„Какія формы общежитія обезпечивают въ данномъ обществѣ, а затѣмъ и въ человѣчествѣ вообще, наибольшую сумму счастія, а слѣдовательно и жизненности?»—«Какія формы общежитія позволяютъ этой суммѣ счастья расти и развиваться какъ количественно, такъ и качественно, то-есть становиться полнѣе и болѣе разнообразной?" (изъ чего, замѣчу мимоходомъ, получается и опредѣленіе прогресса). Желаніе способствовать движенію въ этомъ направленіи и опредѣляетъ какъ научную, такъ и общественную дѣятельность анархиста.

VIII.

Начался анархизмъ, какъ уже было сказано въ началѣ этого очерка, изъ указаній практической жизни.

Годвинъ, современникъ Великой французской революціи 1789—1793 гг., самъ видѣлъ, какъ государственная власть, созданная во время переворота, стала тормозомъ для задержки революціоннаго движенія. И онъ зналъ также, что творилось тогда въ Англіи подъ покровомъ парламента (разграбленіе общинныхъ земель, захватъ фабричными приказчиками бѣдныхъ дѣтей изъ рабочихъ домовъ и отправленіе ихъ на убой на ткацкія фабрики и такъ далѣе). И онъ понялъ, что не правительство единой и нераздѣльной якобинской республики совершитъ нужный переворотъ; что даже революціонное правительство, охраняя государство, становится помѣхою освобожденію; что для успѣха революціи люди должны прежде всего разстаться со своею вѣрою въ право, власть, единообразіе, порядокъ, собственность и прочіе предразсудки, унаслѣдованные нами отъ нашего холопскаго прошлаго.

Слѣдующій за Годвиномъ теоретикъ анархизма, Прудонъ, самъ пережилъ революцію 1848 года и воочію убѣдился въ безобразіяхъ, надѣланныхъ революціоннымъ республиканскимъ правительствомъ, а также и въ безсиліи государственнаго соціализма Луи Блана. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго онъ и написалъ свое замѣчательное сочиненіе „Общее понятіе о соціальной революціи“, гдѣ также выступилъ за уничтоженіе государства и провозгласилъ анархію.

И наконецъ въ международномъ союзѣ рабочихъ (Интернаціоналѣ) понятіе объ анархіи выдвинулось также послѣ революціи, то-есть послѣ парижской коммуны 1871 года. Полнѣйшее революціонное безсиліе выбраннаго совѣта коммуны, въ который вошли однако въ надлежащей пропорціи представители всѣхъ революціонныхъ фракцій того времени (якобинцевъ, бланкистовъ и членовъ Интернаціонала), а также безсиліе лондонскаго генеральнаго совѣта Интернаціонала и его положительно вздорное и вредное желаніе управлять парижскимъ возстаніемъ, открыли глаза многимъ. Они заставили многихъ членовъ Интернаціонала, въ томъ числѣ и Бакунина, задуматься надъ вредомъ правительства вообще,—даже такого, какое было свободно избрано въ коммунѣ и въ международномъ союзѣ рабочихъ. Рѣшеніе же лондонскаго генеральнаго совѣта на тайной конференціи 1871 г. поворотить все рабочее движеніе въ другую сторону и обратить его изъ экономически-революціоннаго движенія (прямая борьба рабочихъ союзовъ противъ капитализма) въ избирательно-парламентарное,—это рѣшеніе привело къ открытому бунту итальянскаго, испанскаго, юрскаго и отчасти бельгій-

скаго рабочихъ союзовъ (федерацій) противъ лондонскаго генеральнаго совѣта.

Начиналось, слѣдовательно, всякій разъ анархическое движеніе вслѣдствіе практическихъ уроковъ или практическихъ указаній. Но немедленно вслѣдъ затѣмъ анархизмъ искалъ и свое теоретическое, научное обоснованіе.

Никакая борьба не можетъ быть успѣшна, если она будетъ безсознательна и не отдастъ себѣ яснаго вещественнаго (конкретнаго) отчета въ своей цѣли. Никакое разрушеніе существующаго невозможно, если уже во время самаго разрушенія или борьбы за разрушеніе не будетъ обрисовываться въ умахъ то, что должно стать на мѣсто разрушаемаго. Даже книжная критика существующаго невозможна безъ того, чтобъ у критикующаго не обрисовывался болѣе или менѣе ясно образъ того, что́ онъ желалъ бы на мѣсто существующаго. Сознательно или безсознательно, идеалъ чего-то лучшаго рисуется въ умѣ всякаго критика общественныхъ учрежденій.

Тѣмъ болѣе бываетъ оно такъ у человѣка дѣйствія. Говорить людямъ: „сперва давайте разрушимъ самодержавіе или капитализмъ, а потомъ уже разберемъ, что поставить на ихъ мѣсто“—значитъ просто обманывать себя и другихъ. Обманомъ же силы нельзя создать. Тотъ самый, кто такъ говоритъ, непремѣнно имѣетъ то или другое представленіе о томъ, что́ станетъ на мѣсто разрушаемаго.

Работая для разрушенія хотя бы того же самодержавія, одинъ непремѣнно думаетъ объ англійской или нѣмецкой конституціи; другой — о республикѣ, либо подчиненной сильной диктатурѣ своего кружка, либо построенной на манеръ французской республики-им-

періи, либо приближающейся къ американскому или швейцарскому федерализму; третій, наконецъ, стремится къ еще большему ограниченію государственной власти, къ еще большей свободѣ городовъ, общинъ, рабочихъ союзовъ и всякихъ другихъ группъ, соединенныхъ между собою союзными договорами.

У каждой партіи вырабатывается такимъ образомъ свой идеалъ будущаго, который и служитъ для оцѣнки какъ всѣхъ явленій политической и экономической жизни вообще, такъ и способовъ дѣйствія. Вырабатывался идеалъ и у анархизма, и этимъ идеаломъ анархизмъ обособлялся какъ по своимъ цѣлямъ, такъ и по способамъ дѣйствія отъ всѣхъ другихъ политическихъ партій, а также, до нѣкоторой степени, и отъ соціалистическихъ партій, сохранившихъ прежніе римскіе и церковные идеалы государственнаго строя.

IX.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ изложеніе анархизма. Предлагаемый очеркъ имѣетъ свою опредѣленную цѣль, а изложеніе основныхъ положеній анархизма читатель найдетъ въ рядѣ другихъ работъ. Но два-три примѣра помогутъ намъ лучше опредѣлить положеніе нашихъ воззрѣній въ современной наукѣ и въ современномъ общественномъ движеніи.

Когда, напримѣръ, намъ говорятъ о Правѣ, съ прописною буквою, и утверждаютъ, что „Право есть объективированіе Правды“, или что „законы развитія Права суть законы развитія человѣческаго духа“, или что „Право и Нравственность тождественны и только формально различны“, мы относимся къ этимъ утвержденіямъ такъ же неуважительно, какъ Мефистофель въ гётевскомъ „Фаустѣ“. Мы знаемъ, что высказав-

ніе подобныя изреченія потратили много мышленія надъ этими вопросами. Но шли они ложнымъ путемъ, а потому въ этихъ изреченіяхъ мы видимъ простыя попытки безсознательныхъ обобщеній, построенныхъ на недостаточномъ основаніи и затемненныхъ вдобавокъ „страшными словами“. Въ былыя времена праву старались дать божеское основаніе; впослѣдствіи стали подыскивать метафизическую основу; теперь же изучаютъ его антропологическое происхожденіе. И вслѣдъ за антропологическою школою мы принимаемся за изученіе общественныхъ обычаевъ, начиная съ первобытныхъ дикарей и писанныхъ законодательствъ различныхъ временъ.

Тогда мы приходимъ къ заключенію, уже выраженному на одной изъ предыдущихъ страницъ: – Всѣ законы,—говоримъ мы,—имѣютъ двоякое происхожденіе, и тѣмъ именно и отличаются отъ простого утвержденія путемъ обычая общепризнанныхъ въ данномъ обществѣ правилъ нравственности. Подтверждая и закристаллизовывая эти обычаи, законы пользуются этимъ, чтобы закрѣпить, большею частью въ прикрытой формѣ, зарождающееся рабство, дѣленіе на классы, власть жрецовъ или воиновъ, крѣпостное право (какъ случилось въ Россіи въ концѣ шестнадцатаго вѣка) и всякія другія учрежденія въ интересахъ вооруженнаго и правящаго меньшинства. Этимъ путемъ на человѣчество накладывалось незамѣтнымъ образомъ ярмо, отъ котораго ему впослѣдствіи удавалось освободиться только путемъ революцій. И такъ идетъ оно во всѣ времена, вплоть до настоящей минуты. Оно повторяется даже въ современномъ рабочемъ законодательствѣ, которое рядомъ съ „покровительствомъ труду“ незамѣтно вводитъ идею обязатель-

наго государственнаго посредничества въ стачкахъ обязательнаго восьмичасового дня для рабочаго (не менѣе), военную эксплоатацію желѣзныхъ дорогъ въ случаѣ стачки, закрѣпленіе безземелія крестьянъ въ Ирландіи и такъ далѣе. И такъ оно будетъ продолжаться, покуда часть общества будетъ писать законы для всего общества и тѣмъ усиливать государственную власть, составляющую главный оплотъ капитализма.

Понятно поэтому, отчего анархизмъ, начиная съ Годвина, хотя и стремится къ справедливости (которая равносильна равенству) болѣе всякаго законодателя, отрицаетъ однако всѣ писанные законы.

Когда же намъ говорятъ, что, отрицая законъ, мы отрицаемъ всякую нравственность, потому что тѣмъ самымъ мы не признаемъ „безусловнаго нравственнаго велѣнія", о которомъ писалъ Кантъ, мы говоримъ, что самый языкъ этого возраженія намъ непонятенъ и чуждъ,—такъ же чуждъ и непонятенъ, какъ онъ чуждъ всякому естествоиспытателю, занимающемуся изученіемъ явленій нравственности. Въ отвѣтъ на подобныя слова мы спрашиваемъ:

„Что, собственно, хотите вы сказать? не можете ли вы перевести ваши изреченія на понятный языкъ,— вотъ, какъ Лапласъ переводилъ формулы высшей математики на языкъ всѣмъ доступный и какъ выражались и выражаются всѣ великіе ученые?"

Въ самомъ дѣлѣ, что собственно хочетъ сказать человѣкъ, ссылающійся на всеобщій законъ или на кантовское „безусловное велѣніе"? Что во всѣхъ людяхъ есть понятіе о томъ, что не слѣдуетъ дѣлать другому того, чего не хочешь, чтобы съ тобою продѣлали, что лучше на зло отвѣтить добромъ? Если

такъ, то давайте изучать (какъ это дѣлалъ уже Адамъ Смитъ, а раньше его Хэтчисонъ). откуда въ людяхъ зародились и какъ развились эти нравственныя понятія. Распространимъ наше изученіе и на до-человѣческія времена (чего не могли сдѣлать Смитъ и Хэтчисонъ). Разберемъ затѣмъ, насколько въ понятіи о справедливости вліяетъ чувство равенства. Вопросъ важный, потому что только люди, считающіе другого равнымъ себѣ, могутъ признать правило: „не дѣлай другому того, чего не хочешь себѣ"; помѣщикъ же, не считавшій „холопа", а рабовладѣлецъ — негра равными себѣ, не признавали „категорическаго императива" „всеобщаго закона" обязательнымъ по отношенію къ холопу или негру. Если же это наше замѣчаніе вѣрно, то посмотримъ, можно ли насаждать нравственность, насаждая идеи неравенства?

Разберемъ, наконецъ, какъ это сдѣлалъ Маркъ Гюйо (Guyau), факты самопожертвованія. А потомъ разсмотримъ, что способствовало въ исторіи развитію нравственныхъ чувствъ въ человѣкѣ, хотя бы только тѣхъ, которыя связаны съ понятіемъ о равенствѣ, и выведемъ изъ этого изученія, какія условія могутъ помочь въ будущемъ усиленію и развитію этихъ чувствъ? Помогаетъ ли ему религія, неравенство людей, раздѣленныхъ на классы экономическіе и политическіе? Законъ, наказаніе, тюрьма? Судья, тюремщикъ, палачъ?

Разберемъ все это подробно, каждое въ отдѣльности, и тогда уже станемъ говорить о нравственности и о пользѣ законовъ, судовъ, становыхъ и урядниковъ для насажденія оной. Но „слова", которыя только скрываютъ отъ насъ поверхность нашего полузнанія, мы уже лучше оставимъ. Они были, можетъ быть, неизбѣжны въ свое время, — полезными-то они едва ли были

когда-нибудь,—но теперь мы можемъ приступить къ изученію жгучихъ вопросовъ общественныхъ, точно такъ же какъ опытный садовникъ, съ одной стороны, и ученый физіологъ, съ другой,—изучаютъ условія, наиболѣе способствующія пышному росту растеній.

Точно такъ же, когда нѣкоторые экономисты говорятъ намъ, что „въ совершенно-открытомъ рынкѣ цѣнность товаровъ измѣряется количествомъ труда, общественно-необходимаго для ихъ производства“, мы не принимаемъ этого утвержденія на вѣру, потому что оно высказано такими-то авторитетами, или потому, что оно кажется намъ „очень соціалистичнымъ“.—„Возможно, что оно и такъ,—говоримъ мы.—Но не замѣчаете ли вы, что этимъ самымъ вы утверждаете, что цѣнность и необходимый трудъ пропорціональны другъ другу, точно такъ же какъ скорость свободно-падающаго тѣла пропорціональна числу секундъ, которыя оно падало? Этимъ самымъ вы утверждаете, однако, количественное отношеніе между двумя величинами, а всякое количественное отношеніе можетъ быть доказано только количественными же измѣреніями“. Ограничиваться же замѣчаніемъ, что мѣновая цѣнность товара растетъ вообще, если труда на него нужно затратить больше, а затѣмъ утверждать, что, слѣдовательно, обѣ величины взаимно-пропорціональны,—значитъ дѣлать такую же ошибку, какъ если бы кто сталъ утверждать, что количество выпадающаго дождя измѣряется уклоненіемъ барометра внизъ отъ его средняго стоянія. Человѣкъ, впервые замѣтившій, что, вообще говоря, при низкомъ барометрѣ выпадаетъ больше дождя, чѣмъ при высокомъ, или же что между скоростью падающаго камня и высотою, съ которой онъ упалъ, есть соотношеніе,—человѣкъ, впервые замѣтившій это, сдѣлалъ

научное открытіе. Но человѣкъ, пришедшій вслѣдъ за нимъ съ утвержденіемъ, что количество дождя измѣряется уклоненіемъ барометра внизъ отъ средней, или что пространство, пройденное падающимъ тѣломъ, пропорціонально времени паденія и измѣряется имъ,—не только сказалъ бы вздоръ, но еще доказалъ бы тѣмъ самымъ, что точный методъ изслѣдованія ему совершенно чуждъ: что его работа—ненаучна, какъ бы ни былъ полонъ ученыхъ словъ языкъ, на которомъ она написана. Отсутствіе данныхъ, очевидно, не отговорка: въ наукѣ извѣстны сотни, если не тысячи такихъ соотношеній, въ которыхъ мы видимъ зависимость одной величины отъ другой—ну, хоть отката пушки въ зависимости отъ количества пороха въ зарядѣ или роста растенія отъ количества получаемаго имъ свѣта; но ни одному ученому не придетъ въ голову утверждать пропорціональность этихъ величинъ, не изслѣдовавши количественно ихъ отношеній, и еще менѣе выдавать эту пропорціональность за научный законъ. Въ большинствѣ случаевъ зависимость бываетъ очень сложная, какъ оно и есть въ теоріи цѣнности. Необходимый трудъ и цѣнность вовсе не пропорціональны.

То же самое относится и почти ко всѣмъ экономическимъ положеніямъ, ставшимъ нынѣ ходячими воззрѣніями въ нѣкоторыхъ кругахъ и выдаваемымъ съ неподражаемой наивностью за незыблемые законы. Мы не только находимъ, что большинство изъ нихъ невѣрно, но мы утверждаемъ, что сами вѣрящіе въ нихъ убѣдятся въ этомъ, какъ только поймутъ необходимость провѣрять свои количественныя утвержденія количественнымъ же изслѣдованіемъ.

Впрочемъ, и вся политическая экономія предста-

вляется намъ въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ она понимается современными экономистами, какъ буржузнаго, такъ даже и соціалъ-демократическаго лагеря. И тѣ и другіе, въ силу того что научный методъ (естественно-научный, индуктивно-дедуктивный) имъ совершенно чуждъ, не отдаютъ себѣ опредѣленнаго отчета въ томъ, что̀ такое „законъ природы“, хотя безпрестанно злоупотребляютъ этимъ словомъ. Они не замѣчаютъ, что всякій законъ природы имѣетъ характеръ условный. Онъ всегда выражается такъ: „Если въ природѣ встрѣтятся такія-то условія, то произойдетъ то-то“. „Если одна линія пересѣкаетъ другую, образуя съ нею равные углы по обѣ стороны, то послѣдствія будутъ такія-то“. „Если на два тѣла дѣйствуютъ только тѣ движенія, которыя существуютъ въ междузвѣздномъ пространствѣ, и нѣтъ третьяго тѣла на измѣримомъ отъ нихъ разстояніи, то ихъ центры тяжести будутъ сближаться съ такой-то скоростью (законъ тяготѣнія)“—и такъ далѣе.

Вслѣдствіе этого всѣ такъ-называемые законы и теоріи политической экономіи—въ дѣйствительности не что иное, какъ выраженіе слѣдующаго: „Допустивши, что въ странѣ всегда имѣется значительный запасъ людей, не имѣющихъ возможности прожить и двѣ недѣли или мѣсяцъ безъ того, чтобы не принять условій, налагаемыхъ на нихъ государствомъ (подати) или предлагаемыхъ имъ тѣми, кто въ силу государственныхъ законовъ владѣетъ землею, фабриками и прочимъ,—то произойдетъ то-то“.

До сихъ поръ буржуазная политическая экономія и была перечисленіемъ того, что происходитъ при такихъ условіяхъ, но съ умалчиваніемъ о самихъ

условіяхъ. Но этимъ экономисты не ограничились. Факты, происходящіе при этихъ условіяхъ, они стали представлять намъ, какъ роковые, незыблемые законы. Соціалистическая же политическая экономія, хотя и критикуетъ нѣкоторые изъ этихъ выводовъ, или нѣсколько иначе истолковываетъ другіе, но своего пути она еще не проложила. Она все еще остается въ старыхъ рамкахъ.

Между тѣмъ политическая экономія должна поставить себѣ, по нашему мнѣнію, совершенно иную задачу. Она должна занять по отношенію къ человѣческимъ обществамъ такое же положеніе въ наукѣ, какое занимаетъ физіологія по отношенію къ растеніямъ и животнымъ. Она должна стать физіологіею общества. Она должна поставить себѣ цѣлью изученіе потребностей общества и разнообразныхъ средствъ, употребляемыхъ (и употреблявшихся) для ихъ удовлетворенія; разобрать, насколько они цѣлесообразны; а затѣмъ, такъ какъ конечная цѣль всякой науки (это высказалъ уже Бэконъ)—ея практическое приложеніе къ жизни, заняться изысканіемъ средствъ удовлетворенія этихъ потребностей съ наименьшею безполезною тратою труда (съ наибольшею его экономіей) и съ наибольшею пользою для человѣчества.

Изъ сказаннаго уже будетъ понятно, почему по большинству выводовъ мы приходимъ къ другимъ заключеніямъ, чѣмъ большинство экономистовъ какъ буржуазной, такъ и соціалъ-демократической школы; почему мы не считаемъ „законами“ нѣкоторыя указанныя ими соотношенія; почему мы совершенно иначе излагаемъ соціализмъ, и почему наконецъ изъ изученія намѣчающихся нынѣ направленій и теченій (тенденцій) въ экономической жизни народовъ мы

доходимъ до иныхъ заключеній относительно желательнаго и возможнаго—доходимъ до вольнаго коммунизма, тогда какъ большинство соціалистовъ доходитъ до государственнаго капитализма и коллективизма.

Быть можетъ, мы неправы, а правы они. Но провѣрить, кто правъ, а кто нѣтъ, нельзя ни ссылками на авторитеты, ни трилогіями Гегеля, ни діалектическимъ методомъ, а возможно только, взявшись за изученіе экономическихъ отношеній, какъ фактовъ естествознанія *).

---

*) Нѣсколько выдержекъ изъ письма, писаннаго однимъ изъ видныхъ бельгійскихъ біологовъ и полученнаго, когда эти строки отсылались въ печать, поможетъ мнѣ пояснить сказанное на живомъ примѣрѣ. Письмо не предназначалось для печати, а потому я не называю автора: „Чѣмъ дальше я читаю (то-то), тѣмъ болѣе я убѣждаюсь,—пишетъ авторъ,—что изученіе экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ отнынѣ возможно только тѣмъ, которые изучали естественныя науки и прониклись духомъ этихъ наукъ. Тѣ, которые получили только образованіе, такъ-называемое классическое, неспособны болѣе понимать теперешнее движеніе умовъ и одинаково неспособны изучать кучу спеціальныхъ вопросовъ... Мысль объ интеграціи труда и раздѣленіе труда во времени (мысль, что для общества было бы выгодно, чтобы каждый человѣкъ могъ работать въ земледѣліи, въ промышленности и умственнымъ трудомъ, разнообразя въ разное время свой трудъ и представляя многообразно-развитую личность) станетъ со временемъ однимъ изъ краеугольныхъ камней экономической науки. Есть множество біологическихъ фактовъ, согласующихся съ подчеркнутою сейчасъ мыслью и такимъ образомъ показывающихъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ закономъ природы. (Другими словами, что въ природѣ этимъ путемъ весьма часто достигается экономія силъ.) Разсматривая жизненныя отправленія какого-нибудь существа въ разные періоды его жизни и даже въ разныя времена года, а иногда и въ разные моменты дня, мы находимъ приложенія раздѣленія труда во времени, которое неразрывно связано съ раздѣленіемъ труда между различными органами (законъ Адама Смита).

Слѣдуя тому же методу, анархизмъ приходитъ къ своеобразнымъ заключеніямъ относительно государства. Онъ не могъ удовольствоваться ходячими метафизическими утвержденіями въ родѣ слѣдующихъ: „государство есть утвержденіе идеи высшей справедливости въ обществѣ", или: „государство есть орудіе и насадитель прогресса", или, наконецъ: „безъ государства общество невозможно". Онъ приступилъ къ изученію государства точно такъ же, какъ естествоиспытатель приступилъ бы къ изученію общежитія у пчелъ и муравьевъ или у перелетныхъ птицъ, выводящихъ своихъ дѣтенышей на берегахъ субъ-арктическихъ озеръ. Къ какимъ заключеніямъ привело насъ это изученіе по отношенію къ прошлому различныхъ политическихъ формъ и къ ихъ желательному будущему, я не стану говорить здѣсь.

„Ученые, незнакомые съ естественными науками, бываютъ неспособны понять истинный смыслъ закона природы; ихъ ослѣпляетъ слово „законъ", и они воображаютъ, что законъ, подобный закону Адама Смита, имѣетъ фатальную силу, отъ которой невозможно избавиться. Когда имъ показываютъ обратную сторону этого закона—грустные результаты индивидуализма, съ точки зрѣнія развитія и личнаго счастія, они отвѣчаютъ: „это—неумолимый законъ", и иногда даютъ этотъ совѣтъ такъ рѣзко, что этимъ обличаютъ свою вѣру въ родъ непогрѣшимости. Естественникъ же знаетъ, что наука можетъ парализовать вредныя послѣдствія закона: что часто человѣкъ, идущій противъ природы, одерживаетъ побѣду.

„Сила тяжести заставляетъ тѣла падать; она же заставляетъ воздушный шаръ подниматься.

„Намъ это кажется такъ просто; экономисты же классической школы, повидимому, съ трудомъ лишь понимаютъ все значеніе этого замѣчанія.

„Законъ раздѣленія труда во времени станетъ противовѣсомъ (correctif) закона Адама Смита и позволитъ достигнуть интеграціи труда въ каждой личности".

Мнѣ пришлось бы повторить то, что писалось анархистами со временъ Годвины и что можно найти съ нужными разъясненіями въ цѣломъ рядѣ книгъ и брошюръ.

Замѣчу только, что государство есть форма общежитія, развившаяся въ нашей современной цивилизаціи только съ конца шестнадцатаго вѣка подъ вліяніемъ причинъ, которыхъ разборъ можно найти хоть въ книжкѣ „Государство и его роль въ исторіи". Раньше этого государство въ римской его формѣ не существовало; со временъ же паденія Римской имперіи оно, вѣрнѣе, существуетъ только въ воображеніи историковъ, ведущихъ родословную русскаго самодержавія отъ Рюрика, а французскаго—отъ Меровинговъ.

Затѣмъ государство, государственный судъ, государственная церковь и капитализмъ представляются намъ нераздѣльными понятіями. Въ исторіи они развивались нераздѣльно другъ отъ друга, взаимно насаждая и усиливая другъ друга. Они связаны между собою не простымъ совпаденіемъ во времени, а связью слѣдствія и причины, причины и слѣдствія. Государство является такимъ образомъ обществомъ взаимнаго застрахованія власти землевладѣльца, воина, судьи и священника для утвержденія ихъ власти надъ народомъ и эксплоатаціи бѣдноты. Мечтать поэтому о разрушеніи капитализма съ сохраненіемъ государства, которое и создалось-то ради насажденія онаго и росло совмѣстно съ нимъ, такъ же невѣрно, по нашему мнѣнію, какъ мечтать объ освобожденіи рабочаго при содѣйствіи христіанской церкви или наполеоновскаго цезаризма. Многіе соціалисты тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ мечтали объ этомъ; намъ же на рубежѣ двадцатаго вѣка совсѣмъ не пристало лелѣять подобныя мечты.

X.

Очевидно, что, разъ анархизмъ такъ расходится и въ методѣ изслѣдованія и въ основныхъ своихъ началахъ какъ съ академическою наукою объ обществѣ, такъ и со своими соціалъ-демократическими собратіями, онъ неизбѣжно долженъ расходиться съ послѣдними и въ способахъ дѣйствія.

Понимая право, законъ и государство, какъ мы ихъ понимаемъ, мы не можемъ видѣть залога прогресса, а тѣмъ менѣе соціальной революціи въ подчиненіи личности государству. Говорить, какъ говорятъ поверхностные толкователи общественныхъ явленій, что современный капитализмъ народился изъ „анархіи эксплоатаціи", изъ „теоріи невмѣшательства" государства, которое будто проводило формулу: „пусть дѣлаютъ, какъ хотятъ" (laissez faire, laissez passer), мы потому уже не можемъ, что мы знаемъ, что это неправда. Давая капиталисту полную волю наживаться трудомъ обездоленныхъ рабочихъ, правительство никогда, за весь девятнадцатый вѣкъ, нигдѣ не предоставляло рабочимъ „дѣлать, какъ они хотятъ". Свирѣпый, „революціонный", то-есть якобински-революціонный конвентъ объявлялъ: „За стачку, за образованіе государства въ государствѣ— смерть". Въ 1813 году въ Англіи вѣшали за стачки; въ 1831 году — ссылали въ Австралію за образованіе Оуэновскаго союза ремеслъ; въ шестидесятыхъ годахъ приговаривали къ каторгѣ; и даже сейчасъ, въ настоящую минуту, съ рабочихъ требуютъ по суду, по закону, уплаты „убытковъ" въ 550,000 рублей за отговариваніе рабочихъ отъ работы во время стачекъ (picketting). О Франціи же, Бельгіи, Швейца-

ріи (вспомните избіенія въ Айроло!), Германіи и Россіи уже и говорить нечего. Нечего говорить также и о томъ, какъ налогами государство доводитъ рабочаго до нищеты, нужной для хозяина фабрики; какъ Катковы стараются объ уничтоженіи земельной общины ради доставленія дешевыхъ рукъ московскимъ фабрикантамъ; какъ въ Англіи уничтожали и по сію пору еще уничтожаютъ общину, давая лорду право „загородить“ общинныя земли, и о всѣхъ подобныхъ „невмѣшательствахъ“ государства. Еще менѣе стоитъ говорить о томъ, какъ въ настоящую минуту всѣ государства безъ единаго исключенія создаютъ (чего ужъ тутъ говорить о „первоначальномъ накопленіи“, когда оно продолжается до сихъ поръ),—создаютъ своею силою всевозможныя монополіи: желѣзнодорожныя, трамвайныя, телефонныя, газовыя, водопроводныя, электрическія, школьныя и такъ далѣе и такъ далѣе, безъ конца.—Однимъ словомъ, никогда, ни на одинъ часъ, ни въ одномъ государствѣ система невмѣшательства—„пусть дѣлаютъ, какъ хотятъ“ (laissez faire)—не была приложена. А потому, если буржуазнымъ экономистамъ позволительно утверждать, что система „невмѣшательства“ практикуется (такъ какъ имъ требуется доказать, что нищета есть законъ природы), то соціалистамъ просто зазорно увѣрять въ этомъ рабочихъ: свободы сопротивляться эксплоатаціи до сихъ поръ нигдѣ, никогда еще не существовало. Вездѣ ее приходилось брать съ боя, шагъ за шагомъ, путемъ безконечныхъ жертвъ. „Невмѣшательство“—и болѣе чѣмъ невмѣшательство: прямая поддержка — было только въ пользу грабителей.

И иначе быть не могло. Миссія церкви была— держать народъ въ умственномъ рабствѣ; миссія

государства—держать его, полу-голоднаго, въ рабствѣ экономическомъ.

Зная это, мы не можемъ видѣть залога прогресса въ еще большемъ подчиненіи всѣхъ государству. Мы ищемъ его въ наиболѣе полномъ освобожденіи личности отъ власти государственной; въ наибольшемъ развитіи личнаго почина и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ограниченіи отправленій государства, а не въ расширеніи ихъ.

Ходъ впередъ представляется намъ въ уничтоженіи, во-первыхъ, власти, насѣвшей (особенно начиная съ шестнадцатаго вѣка) на общество и все болѣе и болѣе стремящейся расширить свои отправленія; а, во-вторыхъ, въ возможно болѣе широкомъ развитіи договорнаго начала и самостоятельности всѣхъ возможныхъ союзовъ, создающихся ради опредѣленныхъ цѣлей и путемъ договора охватывающихъ все общество. Сама же жизнь общества представляется намъ не какъ нѣчто законченное, закоченѣлое, а какъ нѣчто никогда незаконченное, вѣчно живое и постоянно измѣняющее свои формы согласно потребностямъ времени.

Такое пониманіе человѣческаго прогресса, а также воззрѣнія на то, что желательно въ будущемъ (что можетъ умножить сумму счастья), неизбѣжно ведетъ и къ своеобразной тактикѣ въ борьбѣ—къ стремленію развить наибольшую силу почина въ отдѣльныхъ кружкахъ и личностяхъ, при чемъ единство дѣйствія достигается единствомъ цѣлей и той убѣдительностью, которую всегда получаетъ свободно и серьезно обсужденная мысль. Это стремленіе отражается во всей тактикѣ и во всей внутренней жизни каждой изъ анархическихъ группъ.

Затѣмъ мы утверждаемъ и стараемся доказать, что всякой новой экономической формѣ общежитія надлежитъ выработать свою новую форму политическихъ отношеній. Такъ было въ исторіи и такъ будетъ несомнѣнно въ будущемъ: новыя формы уже намѣчаются.

Крѣпостное право и самодержавіе или по крайней мѣрѣ почти неограниченная власть короля или царя шли въ исторіи рука объ руку. Они обусловливали другъ друга. Точно такъ же правленіе капиталистовъ выработало свой характерный политическій строй — представительное правленіе въ строго централизованной, объединенной монархіи или республикѣ.

Соціализму, въ какой бы формѣ онъ ни проявился и въ какой бы мѣрѣ онъ ни подошелъ къ коммунизму, предстоитъ также выработать свою форму политическихъ отношеній. Старыми онъ не можетъ воспользоваться, какъ не могъ бы воспользоваться церковною іерархіею и ея теоріей. Въ той или другой формѣ онъ долженъ стать больше мірскимъ, менѣе полагаться на косвенное правленіе черезъ выборныхъ — стать болѣе самоуправляющимся. Вмѣстѣ съ тѣмъ, присматриваясь къ современной жизни Франціи и Англіи, а также отчасти и Америки, мы видимъ стремленіе слагаться въ группы независимыхъ въ полномъ смыслѣ общинъ, городскихъ и сельскихъ, связанныхъ между собою въ самыхъ многообразныхъ отношеніяхъ союзными договорами, ради данныхъ непосредственныхъ цѣлей. Къ этой формѣ стремятся, конечно, не Витте, не Вильгельмъ II и даже не якобинцы, нынѣ управляющіе Швейцаріей, — они работаютъ по старому образцу, но несомнѣнно стремится передовая, прогрессивная часть

западно-европейскихъ обществъ и американскаго народа. Въ жизни это стремленіе выражается тысячами попытокъ организоваться внѣ, особливо отъ государства, или же взять на себя нѣкоторыя изъ функцій, взятыхъ на себя государствомъ и съ которыми, оно, конечно, не справилось; а въ крупномъ, міровомъ общественномъ явленіи выразилось оно въ парижской коммунѣ и въ цѣломъ рядѣ такихъ же общинныхъ возстаній во Франціи и Испаніи. Въ мірѣ же понятій и идей, распространяющихся въ обществѣ, это воззрѣніе уже представляетъ собою крупный историческій факторъ.

Въ силу этого мы убѣждены, что работать надъ утвержденіемъ государственнаго, къ тому же централизованнаго капитализма—значитъ работать противъ намѣтившагося уже теченія прогресса. Мы видимъ въ этомъ непониманіе исторической задачи соціализма, видимъ крупную историческую ошибку—и боремся противъ нея. Увѣрять рабочихъ, что они смогутъ, не говорю уже водворить соціализмъ, но сдѣлать хотя бы первые шаги на пути къ соціализму, сохранивъ всю государственную машину и только перемѣнивши въ ней людей; не содѣйствовать, а даже мѣшать тому, чтобы умы рабочихъ направились на изысканіе новыхъ, своихъ формъ политической жизни,—въ нашихъ глазахъ такая колоссальная историческая ошибка, которая граничитъ съ преступленіемъ.

Наконецъ, представляя собою революціонную партію, мы стараемся изучить исторію зарожденія и развитія прежнихъ революцій. И прежде всего мы пытаемся освободить доселѣ написанныя исторіи революціи отъ партіозной и большею частью ложной государственной окраски, приданной имъ. Въ напи-

санныхъ до сихъ поръ исторіяхъ мы не видимъ еще народа, не видимъ хода зарожденія революцій. Казенныя фразы объ отчаянномъ положеніи народа передъ революціей еще не объясняютъ, откуда среди этого отчаянія зародилась надежда чего-то лучшаго, откуда взялся революціонный духъ. А потому, перечитавши эти исторіи, мы откладываемъ ихъ въ сторону и, обращаясь къ первоисточникамъ, стараемся узнать изъ нихъ о ходѣ пробужденія въ народѣ и о роли народа въ революціяхъ.

Такъ, напримѣръ, мы понимаемъ Великую революцію во Франціи вовсе не такъ, какъ ее представилъ Луи Бланъ, который излагалъ ее, главнымъ образомъ, какъ великое политическое движеніе, руководимое якобинскимъ клубомъ. Мы видимъ въ ней прежде всего стихійное *народное* движеніе по преимуществу крестьянское („въ каждомъ селѣ былъ свой Робеспьеръ“, какъ замѣтилъ Шлоссеру Грегуаръ, знавшій народное возстаніе). И стремилось это крестьянское возстаніе къ уничтоженію всѣхъ пережитковъ крѣпостного права и къ отнятію у помѣщиковъ земель, захваченныхъ ими у крестьянскихъ общинъ, чего, къ слову сказать, они и достигли. На почвѣ этого крестьянскаго возстанія и, проявившагося вслѣдствіе этого безсилія властей, безначалія мы находимъ, съ одной стороны, стремленіе къ смутно-понимаемому соціалистическому равенству среди городскихъ рабочихъ, а съ другой стороны— буржуазію, умно стремящуюся установить свою власть на мѣсто разрушенной королевской. Ради этого буржуа упорно, съ ожесточеніемъ боролись, чтобы создать могучее, всепоглощающее, централизованное государство, которое сохранило бы и обез-

печило имъ ихъ права собственности (частью награбленной во время революціи) и дало бы имъ полную возможность необузданно эксплоатировать бѣдноту. Эту власть свою буржуазія удержала и дала ей дальнѣйшее развитіе, а въ подготовленной буржуазіею централизаціи Наполеонъ нашелъ прекрасную почву для имперіи. Отъ этой сосредоточенной власти, убивающей всю мѣстную жизнь, Франція терпитъ до сихъ поръ, и первая попытка сбросить съ себя это иго — попытка, открывшая новую эру въ исторіи, была сдѣлана только въ 1871 году парижскимъ пролетаріатомъ.

Не вдаваясь здѣсь въ разсмотрѣніе другихъ революціонныхъ движеній, достаточно сказать, что мы понимаемъ будущую соціальную революцію вовсе не какъ якобинскую диктатуру, вовсе не какъ измѣненіе общественныхъ учрежденій конвентомъ, палатою или диктаторомъ: такихъ революцій никогда не бывало, и движеніе, если бы оно вылилось въ эту форму, было бы обречено на неизбѣжную погибель. Мы понимаемъ революцію, какъ всеохватывающее народное движеніе, во время котораго въ каждомъ городѣ и деревнѣ данной области, охваченной возстаніемъ, народнымъ массамъ придется самимъ взяться за перестройку общества, за построительную работу на коммунистическихъ началахъ, не дожидаясь приказовъ и распорядковъ свыше, то-есть прежде всего прокормить всѣхъ, дать всѣмъ жилище, а затѣмъ производить именно то, что нужно для прокормленія всѣхъ и доставленія крова и одежды всѣмъ.

На представительное же правительство, самоназначенное или выборное—будь то „диктатура пролетаріата“, какъ говорили въ сороковыхъ годахъ во

Франціи и теперь еще говорятъ въ Германіи, или же выборное „временное правительство“, или же „конвентъ“,—мы не возлагаемъ никакихъ надеждъ. Не потому, чтобы оно намъ не нравилось, а потому, что нигдѣ, никогда мы не находимъ въ исторіи, чтобы люди, вынесенные въ правительство революціонною волной, были на высотѣ своего положенія; потому, что въ дѣлѣ перестройки общества на новыхъ коммунистическихъ началахъ отдѣльные люди, какъ бы умны и преданы дѣлу они ни были,—безсильны; они могутъ только найти законное выраженіе для той ломки, которая будетъ уже совершаться, и самое большее нѣсколько расширить и распространить ее. Ломка-же должна совершаться снизу, на каждомъ пунктѣ территоріи. Навязать ее закономъ—невозможно, какъ и доказало между прочимъ Вандейское возстаніе. Для новыхъ же началъ зарождающейся жизни никакое правительство и не можетъ найти выраженія до тѣхъ поръ, пока эти новыя начала не опредѣлятся самою построительною работою народныхъ массъ въ тысячахъ пунктахъ заразъ.

При такомъ пониманіи задачъ революціи анархизмъ, очевидно, не можетъ сочувственно относиться къ программѣ, ставящей своею цѣлью „захватъ власти въ теперешнемъ обществѣ“—„la conquête des pouvoirs“, какъ выражаются во Франціи. Мы знаемъ, что мирнымъ парламентскимъ путемъ такой захватъ невозможенъ. По мѣрѣ того какъ соціалисты приближаются къ власти въ теперешнемъ буржуазномъ обществѣ, ихъ соціализмъ долженъ выцвѣтать: безъ этого буржуазія,—гораздо болѣе сильная и численно и умственно, чѣмъ это говорятъ въ соціалистической прессѣ,—не признаетъ ихъ своими владыками. И мы знаемъ также

что если бы революціонная волна дала Франціи, или Англіи, или Германіи соціалистическое правительство, оно безъ самодѣятельности самого народа было бы безсильно и стало бы тормозомъ революціи.

Наконецъ изъ изученія подготовительныхъ періодовъ всѣхъ революцій мы выносимъ убѣжденіе, что ни одна революція не исходила изъ парламентовъ и другихъ представительныхъ собраній. Всѣ начинались въ народѣ. И ни одна революція не явилась во всеоружіи, родившись въ одинъ день, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Всѣ онѣ имѣли свой подготовительный періодъ, во время котораго массы проникались понемногу, весьма медленно революціоннымъ духомъ, набирались смѣлости, начинали надѣяться и выходили изъ прежняго равнодушнаго отчаянія. Происходило же это пробужденіе революціоннаго духа всегда такъ, что сперва единичныя личности, глубоко-возмущенныя существующимъ, возставали противъ него въ одиночку. Многіе гибли,—„безполезно“, какъ говорятъ кабинетные теоретики въ туфляхъ, — но равнодушіе общества было потрясено. Самые тупые и самодовольные господа были вынуждены подумать, за что это люди, молодые, честные, полные силъ, отдавали свою жизнь? Равнодушнымъ нельзя было оставаться — приходилось высказаться за или противъ: мысль пробуждалась. Затѣмъ мало-по-малу тѣмъ же духомъ бунтовства проникались мелкія группы людей; онѣ тоже возставали—иногда съ надеждою на мѣстный успѣхъ — въ стачкѣ, или противъ ненавистнаго чиновника, или чтобы накормить голодныхъ дѣтей, но очень часто также безъ всякой надежды на успѣхъ,— просто потому, что стало невмоготу терпѣть. Не одно, не два, не десятки,

а сотни подобныхъ бунтовъ предшествовали и должны предшествовать всякой революціи. Безъ нихъ ни одна революція не совершилась, ни одна уступка не была сдѣлана правящими классами. Даже пресловутое мирное уничтоженіе крѣпостного права въ Россіи было вынуждено рядомъ крестьянскихъ возстаній, начавшихся съ начала пятидесятыхъ годовъ (какъ отголосокъ, можетъ быть, европейской революціи 1848 года) и разраставшихся съ каждымъ годомъ, доходя до неслыханнаго прежде ожесточенія, вплоть до 1857 года. Слова Герцена: „Лучше сдѣлать освобожденіе сверху, чѣмъ ждать, пока оно придетъ снизу" — слова, повторенныя Александромъ II передъ московскими крѣпостниками, были не фраза, а прямое заявленіе дѣйствительности. Тѣмъ болѣе было оно такъ передъ революціями. И можно выставить какъ общее правило, что характеръ всякой революціи опредѣляется характеромъ и цѣлью возстаній, предшествовавшихъ ей.

Ждать поэтому, чтобы соціальная революція пришла, какъ именинный подарокъ, безъ цѣлаго ряда личныхъ актовъ возмущенной совѣсти и безъ цѣлыхъ сотенъ предварительныхъ возстаній, которыми опредѣлится самый характеръ революціи—по меньшей мѣрѣ нелѣпо; увѣрять же рабочихъ, что они заполучатъ всѣ блага соціалистическаго переворота, ограничиваясь избирательною агитаціей, и накидываться съ пѣною у рта на всѣ акты единичнаго бунта и на всѣ мелкіе предварительные бунты, даже когда они проявляются у народовъ, исторически болѣе революціонныхъ, чѣмъ нѣмцы,—значитъ становиться такимъ же препятствіемъ развитію революціоннаго духа и всякаго прогресса, какимъ была и есть христіанская церковь.

Не вдаваясь въ дальнѣйшее обсужденіе началъ анархизма и анархической программы дѣйствія, сказаннаго будетъ, я думаю, достаточно, чтобы указать положеніе анархизма въ ряду современныхъ человѣческихъ знаній.

Анархизмъ, представляетъ собою попытку приложить обобщенія, добытыя естественно-научнымъ индуктивнымъ методомъ къ оцѣнкѣ человѣческихъ учрежденій и угадать на основаніи этой оцѣнки дальнѣйшіе шаги человѣчества на пути свободы, равенства и братства съ цѣлью осуществленія наибольшей суммы счастья для каждой изъ единицъ человѣческаго общества.

Онъ составляетъ неизбѣжный результатъ того естественно-научнаго умственнаго движенія, которое началось въ концѣ восемнадцатаго вѣка, было задержано на полвѣка реакціею, водворившеюся въ Европѣ послѣ французской революціи, и въ полномъ расцвѣтѣ силъ выступило снова, начиная съ конца пятидесятыхъ годовъ. Его корни—въ естественно-научной философіи восемнадцатаго вѣка. Полное же свое научное обоснованіе онъ могъ получить только послѣ того пробужденія естествознанія, которое возродило къ жизни лѣтъ сорокъ тому назадъ естественно-научное изученіе человѣческихъ общественныхъ учрежденій.

Въ немъ нѣтъ мѣста тѣмъ, якобы научнымъ, законамъ, которыми приходилось довольствоваться германскимъ метафизикамъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, и онъ не признаетъ другого метода, кромѣ естественно-научнаго. Этотъ методъ онъ прилагаетъ ко всѣмъ такъ-называемымъ гуманитарнымъ наукамъ, и, пользуясь имъ, а также и всѣми изслѣдованіями, недавно вызванными этимъ методомъ, онъ

стремится переустроить всѣ науки о человѣкѣ и пересмотрѣть всѣ ходячія понятія о правѣ, справедливости и т. п. на началахъ, послужившихъ для пересмотра всѣхъ естественныхъ наукъ. Его цѣль — научное міросозерцаніе, обнимающее всю природу, въ томъ числѣ и человѣка.

Этимъ міросозерцаніемъ опредѣляется положеніе, занятое анархизмомъ въ практической жизни. Въ борьбѣ между личностью и государствомъ анархизмъ, подобно своимъ предшественникамъ восемнадцатаго вѣка, выступилъ за личность противъ государства, за общество—противъ насѣвшей на него власти. И, пользуясь историческимъ матеріаломъ, накопленнымъ современною наукою, онъ показалъ, что государственная власть, которой гнетъ растетъ съ каждымъ годомъ, есть, собственно говоря, надстройка вредная, ненужная и для насъ, современныхъ европейцевъ, создавшаяся сравнительно недавно, — надстройка въ интересахъ капитализма, погубившая уже въ древней исторіи политически-свободный Римъ, политически-свободную Грецію и всѣ прочіе центры цивилизаціи, возникавшіе на Востокѣ и въ Египтѣ. Власть, создавшаяся для объединенія интересовъ землевладѣльца, судьи, воина и жреца и во все время исторіи становившаяся поперекъ попытокъ человѣчества создать себѣ болѣе обезпеченную и свободную жизнь, не можетъ стать орудіемъ освобожденія, точно такъ же, какъ цезаризмъ (императорство) или церковь не можетъ послужить орудіемъ соціалистическаго переворота.

На почвѣ экономической анархизмъ пришелъ къ заключенію, что современное зло имѣетъ свой корень не въ томъ, что капиталистъ присвоиваетъ себѣ

барышъ, или прибавочную стоимость, а въ самомъ фактѣ возможности этого барыша, который только потому и получается, что милліонамъ людей буквально нечѣмъ прокормиться, если не продавать свою силу за такую цѣну, при которой будетъ возможенъ барышъ и созиданіе „прибавочной цѣнности". Онъ понялъ поэтому, что въ политической экономіи прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на такъ-называемое „потребленіе", и что первымъ дѣломъ революціи должно быть переустройство его, обезпечивъ пищу, жилище и одежду для всѣхъ. „Производство" же должно быть приспособлено къ тому, чтобы удовлетворить этой первой, насущной потребности общества. Поэтому анархизмъ не можетъ видѣть въ будущей ближайшей революціи простую замѣну денежныхъ знаковъ рабочими чеками или замѣну теперешнихъ капиталистовъ государствомъ,—онъ видитъ въ ней первый шагъ на пути къ безгосударственному коммунизму.

Правъ ли анархизмъ въ своихъ выводахъ—покажетъ научная критика его основъ и практическая жизнь будущаго. Но въ одномъ онъ, конечно, безусловно правъ: въ томъ, что онъ включилъ изученіе общественныхъ учрежденій въ область естественно-научныхъ изслѣдованій, распрощался навсегда съ метафизикой и пользуется тѣмъ методомъ, которымъ создались современное естествознаніе и современная матеріалистическая философія. Благодаря этому самыя ошибки, которыя могли быть сдѣланы анархизмомъ въ его изслѣдованіяхъ, могутъ быть легче открыты. Но провѣрены его выводы могутъ быть только тѣмъ же естественно-научнымъ, индуктивно-дедуктивнымъ методомъ, какимъ создается всякая наука и всякое научное міросозерцаніе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Біографическій очеркъ 3

I. Два основныхъ теченія въ обществѣ: народное и начальническое. — Сродство анархизма съ народно-созидательнымъ теченіемъ 23

II. Умственное движеніе XVIII-го вѣка; его основныя черты: изслѣдованіе всѣхъ явленій научнымъ методомъ.— Застой научной мысли въ началѣ XIX-го вѣка.— Пробужденіе соціализма: его вліяніе на развитіе науки.—Пятидесятые годы 28

III. Попытка Огюста Конта построить синтетическую философію.—Причины его неудачи: религіозное объясненіе нравственнаго начала въ человѣкѣ 39

IV. Расцвѣтъ точныхъ наукъ въ 1856—62 годахъ.—Выработка механическаго міросозерцанія, охватывающаго развитіе человѣческихъ понятій и учрежденій.—Теорія развитія 42

V. Возможность новой синтетической философіи.—Попытка Спенсера.—Почему она не удалась.—Методъ не выдержанъ.—Ложное пониманіе „борьбы за существованіе“. 49

VI. Причины этой ошибки. — Церковное ученіе: „міръ во злѣ лежитъ“. — Государственное насажденіе того же взгляда на „коренную испорченность человѣка“.— Взгляды современной антропологіи на этотъ предметъ.—Выработка формъ жизни „массами“ и законъ.— Его двойственный характеръ 54

VII. Положеніе анархизма въ наукѣ. — Его стремленіе выработать синтетическое пониманіе міра.—Его цѣль . 59

VIII. Его происхожденіе.—Какъ вырабатывается его идеалъ естественно-научнымъ методомъ 64

IX. Краткій обзоръ выводовъ, къ которымъ пришелъ анархизмъ: — Законъ. — Нравственность. — Экономическія понятія. — Государство 67

X. Продолженіе:—Способы дѣйствія.—Пониманіе революцій и ихъ зарожденія. — Творчество народа. — Заключеніе 78